

Алексей Гончаров

Туман

16+

Алексей Александрович Гончаров

Туман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67610250

SelfPub; 2022

Аннотация

Сущность любого человека ярко проявляется в ситуациях и обстоятельствах опасных, когда отчётливо видится, насколько хрупкой и беззащитной является наша жизнь. И что укрепляет её? Что не даёт ей разбиться под гнётом отчаяния и собственного малодушия? Да, как всегда: вера, надежда, любовь, а ещё объединение и сплочённость. Связку прутиков не так просто сломать, как переломить один, небрежным усилием двух пальцев.

Содержание

Глава 1. Знакомство.	5
Глава 2. Преступление и наказание.	57
Глава 3. Начало блокады.	119
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Алексей Гончаров

Туман

Раз в столетие, а бывает и того реже, он выплывает из горных ущелий или поднимается с непроходимых болот (в зависимости от того, где предпочитал отдыхать) и плавно плывёт над землёй, выбирая маленькое обжитое человеком местечко, чтобы отвлечься от своих снов. Найдя подходящий участок, он расставляет свои нереальные фишки, бросает волшебные игральные кости, и начинает партию. Выявляет слабых игроков, определяет победителей и уходит, оставляя после себя только слухи, хотя игра его достойна того, чтобы стать легендой.

Глава 1. Знакомство.

Наконец-то наступило время, когда серые кирпичные пятиэтажки и блочные девятиэтажные строения, омытые дождями, с въевшимися ржавыми и солеными подтёками, перестали быть завистью для многих российских людей. В начале двадцать первого века, жилищный вопрос, вроде бы, и перестал так уж сильно портить человека, но и положительных качеств, справедливости ради надо сказать, у населения при этом не добавилось. Острая необходимость в жилье в целом уже искоренялась по стране, но в потребительском значении у граждан резко повысилась требовательность, доходящая частенько до скандалов, к качеству домов и квартир. Для тех, кто оставался проживать в пятиэтажках, возжеленными мечтами становились холёные высотки с яркими вентилируемыми фасадами, без балконов, с глубокими лоджиями и широкими парадными подъездами. Про внутренний разумно спроектированный простор таких квартир, про комфорт со вторым туалетом и душем, примыкающим к спальне, и говорить не следует, чтобы лишний раз не раздражать этих людей. Ну, да, Бог с ними. Каждый имеет право желать себе шикарные жилищные условия, которые, якобы, являются гарантом благополучия и счастья.

Мой рассказ пойдёт о другой постройке, наспех возведённой на отшибе провинциального города Н, в предшествую-

щую социалистическую эпоху. Это двухэтажный дом из деревянного каркаса, который замуровали в цемент и, словно для прочности, выкрасили в мышиный цвет. Но всё-таки, я оговорился: серый цвет стен не был изначальным, поскольку кое-где повторная краска уже выцветала, проступали лиловые пятна предыдущей краски, и их особенно хорошо можно было разглядеть в солнечный день. Впрочем, и свидетели из представителей старого поколения жильцов этого дома поговаривали, что когда-то он красовался в нежно-васильковой расцветке. Тупоугольная кровля была покрыта уже замшелым от природных катаклизмов шифером, свисающие края которого были все в сколах. Да и в центре кое-где зияли небольшие чёрные дыры, размером с кулак, и походила эта крыша на сброшенный с плеч мужика-колхозника огромный изношенный ватник. В сторону леса выходило два подъезда. Вернее, это были обычные входные двери даже без приступка с искорёженными и рябыми от коррозии железными козырьками сверху, под которыми на шнуре свисали голые лампочки без всяких плафонов.

Глядя на эту постройку, среди прочих вопросительных мыслей могло возникнуть и такое любопытство: – «Кому пришла в голову идея, построить шестнадцати-квартирный дом у самого леса, вдали от общей цивилизации, километрах в десяти за чертой города?». Но на это уже вряд ли кто-то даст вразумительный ответ, а предполагать можно всё что угодно: от романтической версии, подразумевающей ве-

черный уют вдали от цивилизации после рабочего дня, до банального «отмывания денег». Хотя, что я говорю.... Такого понятия в те времена не было; оно формулировалось несколько иначе, допустим: нерациональное использование народных средств. Так или иначе, но постройка была возведена на скорую руку, но добротна, а если и подразумевалось, что жильцы этого дома будут иметь какую-то элитарность, там..., социальную значимость, то сейчас эту идею можно было отнести в разряд издевательского мрачного сарказма.

Внутренние жилищные условия в этом доме были вполне приемлемыми. В квартирах имелся объединённый с душем туалет, просторная комната площадью «квадратов» двадцать, ...а в боковых квартирах таких комнат было аж две. Так же приличных габаритов была кухня с газовой плитой, но газ был привозным; прямоугольные железные ящики, в которых находились длинные большие баллоны, располагались на торцевых глухих стенах. Ну, в общем, я хочу сказать, что дом находился в пригодном состоянии для скромного проживания в нём, но если отойти от него на небольшое расстояние, то он напоминал старое умирающее животное, безнадёжно отставшее от своей стаи.

По разговорам самих жителей этого дома, можно немного узнать, что в каких-то городских учреждениях, вроде бы как, вопрос о расселении был уже давно решён, поскольку фундамент дома проседал и крошился, а в кровле обнаружилась трещина, которую каждую весну кое-как латали ка-

кие-то непонятные работнички. И всем было ясно, что обслуживать этот дом неудобно и невыгодно ни одной коммунальной службе, но магия бюрократии надёжно оставляла эту проблему на плаву.

Итак, вопрос о расселении решён, но никаких реальных документов никто не видел, да и вообще, оказалось невозможным найти хотя бы мало-мальски знающего человека, у которого можно было бы спросить, в какое городское управление обращаться. Один жилец когда-то попытался продать в этом доме квартиру (разумеется, за бесценок), но даже этого он сделать не смог, потому что, как оказалось, никакой документации в БТИ по этому дому нет, и на чьём балансе это жильё числится, – тоже вразумительно никто не ответил. Но вся омерзительная прелесть этого волшебства заключается в том, что квитанции на оплату жилищно-коммунальных услуг людям приходят с тошнотворной регулярностью. Многие, кто имел возможность обзавестись достойным жильём, не дождавшись этого мнимого расселения, покинули свои квартирки, но, разумеется, оставили за собой право собственников, смутно надеясь на новую положенную жилплощадь взамен, и поэтому квартплату они всё же продолжали оплачивать, и по сей день платят.

Так что, из шестнадцати квартир в жилом пользовании на данный момент осталось всего шесть помещений. Вернее, пять с половиной. В квартире под номером восемь, что в первом подъезде на втором этаже, постоянно (в бытовом пони-

мании) никто не проживал. Она служила некой своеобразной отдушиной для подполковника милиции Михаила Анатольевича Жмыхова. Однокомнатная «дыра», как он всегда называл это место (в котором он, кстати, родился, провёл своё детство и часть юности), законно и окончательно перешла к нему от старушки-матери, которая скоростижно скончалась лет десять назад. Несложно представить каким «достоянием» являлась эта убогая «однушка» для Михаила Анатольевича, если постоянным местом дислокации подполковника было шикарное многоэтажное строение в центре города, в четырёхкомнатной квартире которого он проживал со своей женой и пятнадцатилетней дочкой.

Будучи ещё майором, предприимчивый Жмыхов сумел решить и квартирный вопрос своего старшего сына, и теперь самостоятельный молодой человек в престижном квартале на окраине города ведёт свой замкнутый от родителей образ жизни. Таким образом, Михаилу Анатольевичу оставалось только устроить дочь в университет, а потом удачно выдать её замуж, и тогда все его обязательства перед самим собой будут выполнены.

Правда, последние пункты давно уже не мешали Жмыхову наслаждаться семейным и служебным благополучием по полной программе. Но, как это обычно бывает, когда всё идёт слишком хорошо, начинает чего-то не хватать, какой-нибудь сладкой ягодки на верхушке торта. Вот тогда-то он вспомнил про матушкину захолустную квартирку и ре-

шил её использовать. Из материнской мебели Михаил Анатольевич ничего себе не оставил, вывез всё на свалку всё без сожаления. Нанял бригаду рабочих; те перебрали скрипучий пол, наклеили новые обои, обновили потолки, а из санузла сделали белоснежный образцовый уголок для занятия интимными гигиеническими процедурами. После окончания ремонта, Жмыхов деловито и не спеша, в течение недели, прикупил газовую плиту, большой холодильник, обзавёлся мебельной стенкой, телевизором, завез другую необходимую мебель, и с особой тщательностью подобрал себе широкую кровать.

Подполковник часто жалел, что ему не достался в наследство первый этаж, и иногда, его даже посещали мысли об обмене, но излишняя шумиха вокруг никчёмной квартирки останавливала Жмыхова. Он и без того поначалу не мог толком объяснить жене, зачем ему понадобилось делать ремонт в этой халупе, на которую они вместе давно решили наложить временное забвение и даже не рассматривали это место как вариант убогого дачного отдыха. Но потом глава семейства нашёл веский довод, и сказал супруге практически правду: что, дескать, должность у него ответственная, сжигающая нервы и ему требуется иногда расслабляться от дел, а квартирка на отшибе как раз позволит восстановить ему рабочий настрой.

Уединённое восстановление духовных сил – это дело хорошее, но подполковник разумно утаил от жены главное: он

не посещал эту квартиру в одиночестве. Два, а порой и три раза в месяц, ближе к полуночи, он просил водителя остановить служебный автомобиль за сотню метров от дома и, осторожно сопровождая юную барышню (понятного рода занятий), пробирался к подъезду. Просил её подниматься по ступенькам босиком ближе к стене, держа свои туфельки в руках, потому что доски на лестнице безбожно скрипели. Войдя в долгожданную «берлогу», он тихонько закрывал дверь, почти без щелчка, уверенный в том, что его визит остался незамеченным для соседей. Первым же делом Жмыхов шёл к холодильнику, доставал холодную бутылку водки и разом принимал полстакана без закуски, празднуя, таким образом, маленькую победу своего тихого восхождения на второй этаж и предвкушал предстоящее наслаждение души и тела.

Девушки в гостях у подполковника всегда были разные, исключительно молодые, с упругими телами и приятными мордашками. Но главным критерием при выборе куртизанки было молчание; важно, чтобы она не издавала ни звука в постели, и к этому важному нюансу Жмыхов подходил серьёзно. Будь он «старлеем» или даже капитаном, он бы наплевал на всю эту конспирацию, но в чине подполковника и на пороге пенсии, он не мог себе позволить компрометировать своё честное имя. Каких-нибудь осуждений со стороны самих соседей Жмыхов не боялся, но ведь кто-то из них мог разнести нежелательный слухок и в городе.

Оставшись наедине с девушкой, Михаил Анатольевич, естественно, не утруждал себя излишним ухаживанием и чтением стихов, которых он, впрочем, и не знал, но после удовлетворения своих мужских потребностей, выходя из душа и обтираясь полотенцем, он всё же предлагал ночной гостье, пусть не любезно, но сердобольно: «Пошарь в холодильнике, пожри чего-нибудь, а то, небось, голодная».

Как представитель закона, а соответственно, и справедливости, совершив невинное прелюбодеяние, подполковник не имел морального права расплачиваться за свои удовольствия деньгами, но, как человек благородный, всегда предлагал представительницам древнейшей профессии юридическую поддержку. Те, не видя в этом предложении никакой конкретики, с любезной улыбкой принимали бестолковое обещание такой помощи и мысленно посылали Михаила Анатольевича в неприличное место.

Когда начинало светать, подполковник торопился сперва выпроводить свою гостью. В коридоре шлёпал её совсем не по-отечески по мягкому месту и в приоткрытую дверь с опаской наблюдал, как она, всё так же босиком, прижимаясь к стеночке, спускалась вниз. Потом «ночная бабочка» надевала каблучки, и по указанию Жмыхова должна была, пригнувшись, пройти под окнами и идти на то же самое место, где должна уже стоять служебная машина, и в ней ждать своего халявного, но всемогущего клиента, чтобы вместе с ним добраться до города.

Минут через пять, уже ничего не опасаясь и даже наслаждаясь скрипом ступенек, как неким музыкальным произведением, Михаил Анатольевич спустился на первый этаж и даже желал, чтобы кто-нибудь из соседей выглянул, дабы засвидетельствовать его величественное утреннее одиночество.

Но напрасно Жмыхов надеялся, что его ночные забавы оставались никем незамеченными. В пяти оставшихся жилых квартирах (возможно, за исключением жилья в квартире под номером тринадцать) все были в курсе о ночных похождениях обрюзгшего подполковника милиции. И дело даже не в том, что не все девушки, проходя под окнами, послушно пригибались (это было всего лишь финальным подтверждением), просто, все скрываемые нехорошие поступки имеют магическое свойство проявляться без каких-либо особых признаков, словно в их основе изначально заложен душок, который при совершении определённых действий начинает распространяться по округе. Ещё при первом таком ночном визите Жмыхова, соседи из первой и пятой квартир почувствовали что-то не ладное, будто в дом вместе с милицейским чиновником пробралось что-то инородное, похожее на некий вирус. Но тогда они большого значения этому не придали, списав свои ощущения на странное и редкое появление подполковника ночью. А уже во второй приход Жмыхова, и тем более в третий, соседи догадались, с какой целью подполковник прокрадывается к себе в квартиру, при-

чём никто из них особо не прислушивался и не старался что-нибудь подсмотреть. Как было уже подмечено, некая аура сама подсказала людям в каком направлении следует думать о таких визитах. Это только на пятый или шестой раз кто-то заметил в окне, а потом и в глазок вызывающе одетую девушку.

И так, перейдём уже потихоньку к начинающимся событиям. Неделя только началась, и было утро вторника, когда Михаил Анатольевич после очередного своего расслабления или восстановления вышел из подъезда. Использованная девушка, наверняка уже сидела в поджидавшей его неподалёку машине, и он ни о чём больше не беспокоился. Нарочно не придерживая дверь, чтобы прозвучал хлопок, Жмыхов пошёл вдоль дома и задержался у углового окна, чтобы вальяжно поправить рукой короткую стрижку, любуясь собой в отражении стекла. Немного разочаровавшись, что не заметил в глубине тёмного окна никаких движений, он водрузил на голову фуражку и важной походкой зашагал к грунтовой дороге, где стояла белая машина с мигалками на крыше.

А если бы Михаил Анатольевич поднял взгляд на второй этаж, когда поглаживал свои волосы перед окном первого этажа, то всё же смог бы заметить заспанное, но не лишённое любопытства небритое лицо одного зрителя, который, вытянувшись на цыпочках, наблюдал за уходом большого милицейского начальника.

Этот недавно проснувшийся мужчина наблюдал в глазок

своей двери (что была напротив квартиры Жмыхова) и за уходом шикарной девочки-проститутки, и выход самого хозяина зафиксировал, когда тот покидал квартиру, а сейчас он стоял на кухне и оценивал увиденное вслух, но будто бы самому себе:

– Ну, комик. Дослужился до таких погон, а шифруется, как школьник.

Этим наблюдателем был таксист Пётр Добротов, отметивший в этом году свой полувековой юбилей и считающий, что жизнь его теперь неумолимо катится к горизонту. Наверное, стоит отметить, что каждый раз, выходя на лестничную площадку, Петр видел перед собой мощную чёрную дверь с золотистой циферкой восемь наверху, и двойное впечатление она у него вызывала. То он смотрел на эту дверь с горькой усмешкой, завидуя чужому достатку и жмыховскому положению в обществе, то она пробуждала в Петре ностальгию. Он с какой-то светлой грустью вспоминал времена, когда здесь жили приветливые старики, а позже бабуля осталась одна, но тёплое расположение к Добротову у неё сохранилось. Потом схоронили и старушку, и всё чаще здесь стал появляться её сынок, тогда ещё, будучи майором милиции. Но тут Пётр останавливал свои воспоминания о Жмыхове, чтобы не спугнуть свою открывающуюся память на вещи более приятные. Он часто и с наслаждением вспоминал то время, когда работал на Камазе дальнобойщиком и, возвращаясь из очередного рейса домой, чувствовал себя Одиссеем,

вернувшись к своей жене Пенелопе. Он даже иногда подшучивал над ней, приводя в пример этот древнегреческий миф. Правда, вместо назойливых женихов, как это было по легенде, его встречали два оболтуса сына, которые сонные выстраивались как по команде в коридоре, когда он приезжал поздним вечером.

Да, светлые были времена для Петра Добротова, спокойные и упоительные. За месяц он всего лишь дней десять проводил дома, а остальное время крутил «баранку». Постоянная молчаливая работа являлась для него отдушиной от семейных необременительных забот и позволяла Петру размышлять в дороге обо всём подряд в комфортном уединении с самим собой. Денег всегда хватало, и на покупку цветного телевизора и на мопед пацанам, чтобы росли нормальными ребятами и не чувствовали себя ущемлёнными. Но годы шли быстро, и непонятно в какой момент всё его блаженство рухнуло в какую-то пропасть. Мопед дети доломали окончательно, и сейчас он догнивает где-то неподалёку от дома в лесу, а сами сыновья выросли, удачно женились и разъехались по большим городам. Навешают родителей не часто; выделяют предкам неделю из своего драгоценного ежегодного отпуска, ну и, разумеется, в родительские дни рождения обязательно навещаются. И надо отдать им должное, всегда приезжают на радость бабке и деду с внуками.

Точную причину своего ухода из автоколонны Пётр уже не помнит; остался только мутный тёмный осадок, что с ним

поступили несправедливо, а на самом деле, предприятие, занимающееся перевозками, просто развалилось. Потом начались постоянные смены работы, от дома Одиссей больше не отлучался, выпивать стал регулярно, а Пенелопа превратилась для него в обычную, потерявшую молодость и привлекательность Людку и постоянно раздражала Петра особенно в нерабочие дни своими постоянными переходами из комнаты на кухню и обратно, словно нарочно изображая перед ним какую-то занятость.

Пётр не замечал, что каждый раз, когда он кричал жене: «Людка», её плечи легонько вздрагивали от этого имени; оно было ей ненавистно. Добротов даже не знал, что в больнице, где она с молодости работает медсестрой, а теперь уже старшей медсестрой, её ласково зовут Мила, или Мила Алексеевна. Обычно, она не немногословна, но, когда начинает говорить, её немного певучий голос никогда не повышается и остаётся в пределах тихих добрых интонаций. В глазах Милы всегда можно увидеть неувядающее приветствие, и разглядеть мелодичную печаль. Наверное, так с годами во взгляде женщины накапливаются нерастраченные чувства, которые она готова подарить всем и, прежде всего своему мужу, сыновьям и внукам. Но первому ничего от неё уже не нужно, а остальные любимые души находятся далеко, и остаётся ей только любимая работа, где она чувствует себя необходимым и полезным человеком.

– Я приготовила тебе бутерброды, – сказала Мила, выйдя

из квартиры со свёртком, когда Пётр уже спустился вниз и подходил к входной двери.

Он остановился, но не затруднил себя даже поворотом головы в её сторону и, глядя перед собой на закрытую дверь, ответил:

– Я сколько раз тебе говорил: на хрена мне сдалась эта твоя сухомятка. Я что, за рулём, как хомяк, себе щёки набивать должен?

– Но в прошлый раз ты взял, – напомнила она, с плаксивым сожалением поглядывая на свёрток в своей руке.

– В прошлый раз, в прошлый раз, – прокудахтал Добротов и буркнул: – В столовке поем.

Пнул дверь ногой и вышел.

Мила хотела уже вернуться в квартиру, но услышала, что под ней внизу скрипнула дверь, и задержалась. На нижних ступеньках показался высокий молодой человек в сиреновом бархатном халате и в шлёпанцах на босу ногу.

– Что за шум в благородном семействе? – запрокинув голову вверх, спросил он, приветствуя соседку весёлым взглядом.

– Всё нормально Максим, – отвечала она, но не смогла скрыть в голосе обиду, – мужа провожала на работу.

– О, это почётная женская доля, дорогая соседка. Но, почему тогда, так грустно? Поверьте, тётъ Мил, он обязательно вернётся. А то, как же я проживу без его невнятных, но бурных комментариев сверху, когда по «телеку» идут новости?

Теперь надо отметить, что и некоторые соседи называли Добротову ласковым именем, но Петра это звучное: «Мила» – всегда раздражало.

– Ты всё шутишь, Максим, ...это хорошо, – сказала она и ушла к себе.

Молодой человек также зашёл в свою квартиру под номером один, прошёл на кухню, снял с плиты чайник, выбрасывающий из носика струю пара, и крикнул:

– Мам, тебе покрепче, или как обычно?

– Сегодня можно и покрепче, – послышался твёрдый женский голос.

Пока Максим заваривал чай, его пожилая мать Светлана Александровна Зиновьева смотрела по телевизору утренние новости. Как всегда, ничего умилительного и приятного на «голубом экране» не было: политическая грызня, катастрофы и репортажи про мошенничества.

Главным раздражением в жизни Светланы Зиновьевой было её здоровье, которое особенно беспокоило её в последние годы. Бывали дни, когда ноги немели, переставали слушаться, и тогда ей приходилось проводить всё время в кровати, за просмотром телевизора, или чтением книги, когда глупости из какой-нибудь популярной передачи вызывали у неё головную боль и тошноту.

Максим был поздним и единственным её ребёнком. Врачи не рекомендовали ей рожать, но себе она оставила только два варианта: либо Макс, либо вообще ничего. Бесчисленное

количество раз сын пытался расспрашивать мать об отце, но всегда получал очень скудную информацию: что тот был умным и благородным человеком и покинул этот мир внезапно и безболезненно. Ни сферы занятий отца, ни как познакомилась, ни как жили или не жили вместе, ничего этого Максим так и не узнал от матери. В доме не было ни одной фотографии отца, ни письма от него, ни записки, и оставалось только его подлинное имя, которое зафиксировалось в отчестве Максима, потому что даже фамилию, которую носил Максим, была деда (естественно, по материнской линии). Раньше он обижался на мать за эту скрытность, но потом успокоился, когда она сказала: что это её память, и выдавать в виде воспоминаний сыну опасный материал для какой-то непонятной лепки, она не собирается. Говорила только, что в их отношениях осталось много невыясненного, что отец очень любил маленького сына, но всё остальное знать Максиму не нужно, чтобы не вышло нежелательного искажённого представления об отце. Максим согласился, что, в конце концов, это её право хранить подробности, видимо, на то были свои причины и, окрестив мать нестигаемой партизанкой, прекратил в дальнейшем всякие расспросы.

Сказать, что Максим был для Светланы Александровны самой жизнью, – это очень прозаично, но правильно. Он был для неё всем. Она любила его безмерно всей душой и сердцем. Наслаждалась каждым движением сына, каждым его словом. Но была и одна странность, которая не свойственна

таким матерям-одиночкам; Зиновьева не считала себя единоличной собственницей по отношению к сыну. По её убеждению, Максим принадлежал всем, и в первую очередь, самому себе. У сына были романы с девушками, некоторых он приводил домой и знакомил с ней, но ни разу материнское сердце не позволяло запустить в себя хоть малейшую ревность. Светлана Александровна, конечно же, оценивала избранницу сына, отмечала в девушке приятные стороны и лёгкие недостатки и по-своему примеряла её к Максиму, но все эти наблюдения оставались при ней, и сыну она высказывала только короткое своё общее мнение, без всяких выводов. Она желала Максиму только счастья и до безумия радовалась, что он у неё просто есть, и всё.

Максим разлил по чашкам чай, выложил на большую тарелку печенье с пирожными, расставил всё на передвижной столик и покатил завтрак в комнату. Они пили чай и равнодушно слушали про тигриное пополнение в китайском зоопарке.

– Ты сегодня не торопишься на работу, – заметила мать.

– Звонили с ночной смены, они там задерживаются. Ребята работали всю ночь, устали, как черти и только сейчас отгружают продукцию. Скоро выборы и заказов от желающих посидеть в мягком кресле в своем собственном кабинете, хоть отбавляй. Если бы ты знала, как меня тошнит уже от этих напыщенных какой-то искусственной решимостью и правильностью физиономий на этих брошюрках и плакатах.

Я видел одного кандидата в живую и внешность его вызывала у меня уважение. Он выглядел по-соседски – естественным. А потом я ужаснулся возможностями компьютерной коррективы лица. Программа, которая это всё делает, похоже, вообще, не в курсе, что человек – это существо исключительно порочное, и следы этих пороков нельзя убирать с лица, иначе оно становится кукольным и мёртвым. А лозунги под этими безупречными фотографиями... От их краткой многозначительности мой разум просто скрипит и стонет.

Максим бросил в рот кусочек печенья, вставая, сделал глоток из чашки, поцеловал мать в щёку и сказал:

– Но, всё равно пора ехать. Нечего прохладиться.

Он снял халат и кинул его на диван. Светлану Александровну всегда приятно тревожили такие мгновения, когда он начинал одеваться. Она любовалась его обнажённым телом и представляла себе, что перед ней античный герой, готовящийся совершать подвиги.

Максим облачился в джинсы и светлую рубашку, перед зеркалом трюмо проверил причёску и решительно пошёл в коридор, где снял с вешалки лёгкую куртку, сунул ноги в неплотные зашнурованные для этого действия кроссовки и, на всякий случай, прихватил с верхней полки зонтик.

– Мамуль, до вечера, – крикнул он и тихонько прикрыл за собой дверь.

Шла последняя неделя сентября, и стоит отметить, что на окраине города, а вернее за его чертой, осень разбросала со-

вершенно другие краски. Как самолюбивая художница, не желая выставлять свои лучшие картины в каменных и стеклянных кварталах, где деревьев для её искусства было считанное количество, она размещала свои произведения здесь, подальше от суеты, и уже принялась закрашивать зелень огненными разливами, добавляла различные оттенки с полутонами чуть ли ни каждый день. Осень незаметно осыпала лимонно-апельсиновой пудрой берёзы с осинами и оставляла нетронутыми хмурые тёмно-зелёные ели и пушистые шапки высоких сосен в виде великолепного контраста. А лес манил и обещал всем грибные места. Высокая дикая трава отдала свою сочность лету и медленно засыпая, клонила к земле. В сизой дымке, словно кусочек растопленного сливочного масла, расплывалось солнце и тлело на монотонном небесном покрывале, как величественный ориентир.

Максим Зиновьев шёл по грунтовой избитой дороге к автобусной остановке, до которой было расстояние больше километра, и по пути отмечал все эти прелести осени. Многочисленные провалы в «грунтовке» навели его на воспоминания, что когда-то жители двухэтажного серого дома ещё надеялись, что разрастающийся новостройками город доберётся и до них, что появится нормальная дорога и не будет проблем с транспортом, но что-то упорно мешало двигаться городским главарям и застройщикам в этом направлении. Земля здесь была почему-то никому не нужна и позабыта. По другую от леса сторону этой тупиковой дороги, прямо не да-

леко от дома, начинались руины машинно-технической станции. Саму станцию в её рабочем состоянии, помнят только мама Максима и баба Паня (соседка из второго подъезда). Они рассказывали про вечный рёв моторов с той стороны и доводящий до галлюцинаций запах солярки. Макс же станция досталась уже в таком состоянии, правда, во времена его детства и отрочества, развалины казались ему не такими осевшими и прижатыми к земле, как сейчас, но, возможно, виной такого зрительного обмана была сорная высокая трава и пробившиеся молодые берёзками. А может быть, это новое восприятие старой местности, просто, – возрастная особенность. Для пацана, такие развалины – были сродни подарку судьбы. Сколько загадок и тайн может скрываться под этой грудой бетонных обломков и кирпичей. Максим любил здесь проводить время и постоянно пропадал на этой производственно-хозяйственной разрухе. Чаще один, а иногда с братьями Добротовыми, но они казались Максиму взбалмошными, резкими, тем более, были младше его, а роль предводителя у таких шалопаев Макс не давалась, от чего игры проходили по непонятным правилам и были скучны.

Приезжал на летние (а иногда и на зимние) каникулы к своей тётке, которая раньше здесь жила, Витёк, – ровесник Максима. Вот тогда и начиналась беспечная, бесшабашная ребячья жизнь с утра до позднего вечера. Они разбивали автомобильные аккумуляторы, плавил свинец на костре в консервных банках и выливали в земляных формочках фи-

гурки рыцарей, солдатиков и животных. Получались забавные образы, доводившие ребят до слёзного смеха. А когда находили карбид, наступали дни ракетных испытаний. Карбид помещали в маленькую ямку, брызгали на него водой и накрывали железной банкой из-под кофе с заранее пробитой сверху гвоздём дырочкой. Один зажимал пальцем дырку, а другой через минуту подносил горящий прутик, и когда палец убирался, банка с хлопком и свистом взмывала вверх на приличную высоту. А однажды они обнаружили подземный ход, ведущий от одного разрушенного строения к другому, и долго не решались в него зайти, но, когда сбегали домой за карманным фонарём, прижавшись, друг к другу, они спустились вниз и прошли, пугающую гнилыми досками и торчащей арматурой, пещеру до конца. Когда выбрались на поверхность, то чувствовали себя настоящими героями.

Максим шел и вспоминал все эти приключения. Потом каменоломни машинной станции закончились и начались земельные участки, выделенные когда-то некоторым горожанам под огородное пользование. Сейчас, конечно, к этим угольям следует добавлять такую прибавку, как: «давно заброшенные», потому что в конце двадцатого века, такие огородики стали не в моде. Кому надо копать в земле на трех сотках, выращивая какие-то овощи, когда эти овощи (правда, непонятного происхождения) появились в новых буржуазных супермаркетах. Тем более, натуральный дом для жилья на этом клочке не построишь; потому что мало места, да

и земелька подтверждена за собственником только какой-то липовой справочкой. Это так же можно считать одной из причин массового людского бегства отсюда, поскольку кто хочет считать себя ничтожным мещанином.

С грустью Макс смотрел на останки покосившихся убогих сарайчиков для садового инвентаря, заросшие в высоких сорняках, и опять вспоминал светлые деньки юности. Он вспомнил, как они с Витькой совершали вылазки на огородные плантации. Тогда здесь всё было чинно и ровно от заботливых и трудолюбивых человеческих рук. Прямоугольные грядки, разделённые очень узкими проходами, чтобы сэкономить землю, полукруглые целлофановые теплицы, кусты смородины и крыжовника, но большую часть участка занимал картофель. Если на сарайчике, где хранился садовый инвентарь, весел замок, значит можно смело переходить границу, – хозяев нет. Но «смело», – всё равно означало, что не в полный рост, а пригнувшись и, оглядываясь на соседние владения. Они с Витьком понимали, что совершают пакостное и незаконное действие, набивая рот клубникой или обдирая смородину, но утешали себя тем, что их всего двое, а участков не мереное количество; там немного, здесь по чуть-чуть, и вроде, как не заметно. И притом, налётчики лакомились на месте, а не набирали с собой про запас. Гораздо хуже вышло один раз с братьями Добротовыми. Они притащили домой целые три хозяйственные сумки, набитые овощами. Там были и морковь, и помидоры с огурцами, и даже мелкая

картошка. Во дворе дома собралось целое стихийное собрание. Макс тогда позволил себе даже немного позлорадствовать над братьями. Он помнил, как дядя Петя – их отец – водитель-дальнобойщик философствовал перед всеми: «Ну, что вы хотите, это же пацаны, в них природой заложено быть добытчиками». А больше всего было жалко всем тётю Милу, но её дальнейшим поступком Максим Зиновьев восхищается до сих пор, и потому уважение в нём к этой женщине неизгладимое. Она взяла сумки, сыновей и пошла по обворованным участкам, которые они ей показывали, оставляла там награбленный урожай, а на следующий день или через день, когда приезжали хозяева, приходила к ним и просила прощение за себя и своих неразумных детей.

«Воспоминания – забавная вещь», – думалось Максиму и казалось, что всё это было не так давно, если начинаешь восстанавливать события шаг за шагом и в лицах, но когда он думал о детстве в целом, то словно всматривался в далёкую солнечную поляну, манящую и уже недоступную. Макс бегло вспомнил, как окончилась школьная пора, и наступили безмятежные яркие институтские годы, в которых было много праздности и всяких новых знакомств. После началась трудовая деятельность, в которой случались забавные моменты, но в целом всё было, как и положено, буднично. На этом фоне почему-то из его памяти всплыла совсем недавняя и вполне серьёзная попытка завести семью. Максим вспомнил об этом, и на лице его появилась улыбка с лёгким недоумени-

ем. Сейчас, спустя время, эта авантюра, закончившаяся его бегством, вызывала у него какое-то сожаление, нежели облегчение, которое он испытывал тогда. Избранница его была во всех отношениях хорошей и замечательной девушкой. Они познакомились случайно в парке на каком-то празднике. Максим выдал ей свою очередную заготовленную для знакомства глупость, она рассмеялась, и оказалось, что её сердце на данный момент полностью свободно от переживаний, связанных с мужским полом. В тот вечер в сердце Макса ещё тлели не столь далёкие волнения от прошлого романа, но к новым порывам он так же уже был готов. Их отношения длились по нынешним меркам очень долго, почти целый год. Он познакомился с её родителями, она была представлена Светлане Александровне, и вроде всё было как-то светло и ясно, пока не появилась непонятная тёмная тучка под названием: «подготовка к свадьбе». Максим хорошо помнит момент, когда они вдвоём решили узаконить свои отношения. И он как-то мужественно уже настраивался на новую жизнь и вынашивал какие-то планы на будущее, пока не посыпались вопросы: «где будем справлять?», «что в меню будет предпочтительнее?», «сколько с твоей стороны будет гостей?», «какой ты хочешь, чтобы был финальный торт?», «а может, мы длинную машину закажем?». К этому Макс был не готов и даже как-то в душе расклеился и размяк.

«Ах, эта свадьба, свадьба, пела и плясала...», – напевал он сам себе на следующий день и рассуждал: – Но кому она нуж-

на? Мне – жениху? Чтобы на два часа (а больше у многих не хватит концентрации) побыть в центре внимания пяти десятков человек? Невесте? Чтобы увидеть белую или чёрную зависть своих подруг? Родителям? Чтобы хвастаться потом перед соседями и родственниками, с каким размахом они выдали замуж свою любимую дочь. Гостям? О, этим, пожалуй, – свадьба нужна. Ведь как важно, получив красивенькое приглашение, оправдать своё присутствие. Но если учесть все эти предсвадебные хлопоты, испорченные нервы и колоссальные растраты виновников торжества, то получается какой-то мазохизм».

Максим был против такого традиционного празднования заключения брачного союза. Ему было достаточно нового штампа на страничке в паспорте, и чтобы они с молодой супругой уехали к морю обмывать этот штамп. Но многие с его мнением были не согласны, в том числе и невеста.

Поддав заявление в загс и, получив три недели на раздумье, Максим (поддавшись, видимо, какому-то невероятно-му гипнозу), вопреки старым целомудренным правилам, переехал жить к невесте и её родителям, якобы, чтобы лучше узнать друг друга. Подготовка к свадьбе велась во всю, правда, без активного участия Максима. Он тогда задумался о своих чувствах, и многое пытался для себя выяснить. Он размышлял о любви, которая должна жечь его изнутри. Но чем больше Макс об этом думал, тем неуловимей эта любовь становилась в нём самом. Тогда он решил, что если на-

чинаешь задумываться о любви, то стоит усомниться: присутствует ли она вообще, а внезапно сделанный вывод даже слегка напугал Максима. Он понял, что предсвадебная суета – это не причина его расстройств, а всего лишь повод задуматься о правильности принятия важного судьбоносного решения. В те дни он в полной мере прочувствовал, какой бывает капризной, упругой и раздражительной жизнь. Чтобы не портить её никому, в том числе и себе, Максим незаметно собрал свои вещи и, никому ничего не объясняя, уехал обратно к матери в старый двухэтажный серый дом, в уютную маленькую квартирку.

Но нельзя сказать, что всё для него теперь стало как прежде. Сорвавшаяся женитьба подарила ему свежий взгляд на жизнь. Он стал бережнее относиться к матери и с ещё большим уважением за то, что она ни разу за всё время не нагружала его советами и дала сыну возможность самому разбираться в своих чувствах и сделать выбор. Ещё Макс понял, что настоящую любовь надо ждать, и она проявит себя так, что не останется места сомнениям. И напоследок, он как бы оправдывал свою проволочку с созданием семьи, ссылаясь на своё воспитание, в котором отсутствовало мужское влияние.

Заброшенные огородные участки закончились, и перед Максимом предстала высокая стена из деревьев, растянувшаяся далеко вправо, за которой проходила трасса. За стволами промелькнула машина, потом другая, и Зиновьев пере-

шёл на бег, заметив вдалеке между деревьями приближающийся автобус, потому что остановка, к которой он спешил, представляющая собой маленькую асфальтированную площадку и дорожный знак, была только «по требованию».

Доехав до автовокзала, Максим пересел в маршрутку, и конечным пунктом его пути была типография, в которой он работал уже четвёртый год. Не совсем творческая работа его не раздражала, но и не нравилась. В любой момент, он готов был поменять её на более интересное занятие и, пусть даже, совершенно другого направления, но вялые поиски давали мало предложений и все они Максима не особенно вдохновляли.

Весной ему исполнилось тридцать три года, и к этому символическому возрасту, Зиновьев относился спокойно без всякого значения. Да, красиво, хотя бы в этих цифрах сравниться с Иисусом, но ведь больше ничего и не остаётся. Исполнится тридцать четыре года, и придётся отметить грустный факт, что даже какого-нибудь котёнка не удалось спасти за прошедший год, не говоря уже о том, чтобы кого-то воскресить. Но возраст всё равно прекрасный, и перемены в жизни ещё желанны, а не настораживают и пугают, как многих стариков.

Итак. Утро плавно растворялось, как приятная прелюдия к обычному рабочему дню. Мы уже знаем, что в одиноком двухэтажном доме, стоящем у леса, в первом подъезде остались две женщины, проводившие своих мужчин на ра-

боту. Светлана Александровна Зиновьева вышла из квартиры на площадку и палочкой постучала по деревянным перилам лестницы ведущей на второй этаж. Это был неоговоренный, но издавна сложившийся знак для Людмилы Добротовой, означающий, что соседка снизу желает с ней пообщаться. Мила вышла на стук и, облокотившись на перила, поздоровалась:

– Здравствуйте, Светлана Александровна! Вы что-то хотели?

– У тебя сегодня нет дежурства? – поинтересовалась мать Максима.

Мила тихонько рассмеялась и ответила:

– У меня уже давно нет дежурств. Просто, сегодня плавающий выходной.

– У-у, – расстроилась Зиновьева, и бодренько уточнила: – А в город, случайно, не собираешься, просто так?

Вопрос Светланы Александровны был не совсем традиционным для обитателей этого дома. Все необходимые закупки делались в рабочее время, а просто так мотаться в город и тратить время на дорогу за какой-нибудь мелочью, было не принято. В конце концов, можно было позвонить Максиму и заказать то, что нужно. Значит, соседка снизу задумала что-то особенное.

Добротова немного смутилась, но больше не вопросом, а случайным совпадением.

– Вы, Светлана Александровна, как всевидящее око, –

сказала Мила с лёгким восторгом, – я как раз затеяла стирку и смотрю, порошка в доме ни грамма не осталась. Петя поздно вернётся, а целая гора накопилась грязного белья. Когда я ещё за него возьмусь? Поеду. И, буквально, сейчас. Автобус через сорок минут.

– Мила, дорогая, купи мне пол кило говяжьего фарша, хочу на вечер Максиму пельмени налепить, – раскрыла свой секрет Светлана Александровна.

Добротова очень трепетно ценила, что соседи из первой квартиры называли её Милой, и любила их за это. Когда-то давным-давно, ещё в школе, её так сокращённо назвал один мальчик; ей это созвучие ужасно понравилось и с тех пор, она представлялась всем только Милой. Если не брать во внимание людей посторонних, то из близких людей, Людой её упорно называл только муж Пётр (как мы уже знаем). И когда он вставлял в имя несносную букву «к», Миле становилось совсем неприятно, как будто гвоздём проводили по стеклу.

– Обязательно куплю, – пообещала она Зиновьевой и ушла к себе.

На этом пока и оставим двух женщин за их домашними делами и посетим второй подъезд малолюдного старого дома. Здесь обстановка была совсем замкнутой и мертвецки тихой по сравнению с соседним подъездом. Двери трёх оставшихся жилых квартир открывались редко и никогда не хлопали, словно боялись привлечь к себе хоть малейшее

внимание. Даже дневное освещение на лестнице казалось здесь более тусклым, хотя окошко над пролётом между этажами было точно такое же, как и в первом подъезде.

И, пожалуй, начнём знакомство с первого этажа, с квартиры номер одиннадцать, дверь которой находилась строго напротив первых трех дощатых входных ступенек. Там жила одинокая баба Паня. Хочется сразу заметить, что все три жилья этого подъезда были людьми одинокими, но остановимся пока на бабе Пане. Может быть, по документам её звали Пашей или как-нибудь ещё, но паспорт видели, возможно, только почтальоны, приносившие пенсию, а больше и никому. Так что, ни полного имени, ни её отчества, ни фамилии никто из соседей не знал. Для всех она была просто бабой Паней. Уже невысокая от преклонного возраста и чуть кругловатая в своей сутулости старушка, была похожая на обугленный пирожок, потому что всегда носила только чёрные одежды: будь то сарафан, похожий больше на робу, или мешковатое платье, которое было на два размера больше нужного. Зимой на ней всегда была накинута телогрейка, из-под которой свисала грубая тёмная юбка, прикрывающая валенки до калош.

Баба Паня, родители Жмыхова и, наверное, ещё Светлана Зиновьева были первыми аборигенами, заселившимися в этот дом. Заезжала в эту квартиру Паня не одна, а с маленьким сыном, но вот уже больше тридцати лет она живёт здесь одна, с тех пор как похоронила своё чадо. Её ненаглядный

ангел прервал свой полёт в самом расцвете сил, в возрасте двадцати пяти лет. По жуткой случайности, когда электрички ходили очень редко, и на узеньких платформах создавалась ужасная давка, толпа нечаянно сбросила его под колёса поезда на одной из пригородных станций, где он в совхозе работал электриком. С тех пор она облачилась в траур и никогда не изменяла чёрному цвету.

Говорят, время лечит, а некоторым даёт мудрые советы, ...и это – сущая правда. Хоть Паня мгновенно и постарела в своём горе, и её дальнейший облик почти не менялся, но она приняла для себя верные условия своего дальнейшего существования. Не стремясь, во что бы то ни стало, поскорее соединиться со своим сыном на небесах, она превратила его в настоящего ангела на земле и поселила его, как божество, в своей душе и сердце. Она каждое утро просыпается со своим Ванечкой, днём вместе с ним делает кое-какие дела, вечером смотрит телевизор со своим божеством и засыпает, никогда не забывая желать ему спокойной ночи. Кто-то подумает, что это помешательство, но ничего подобного. Баба Паня нормальная во всех отношениях старушка восьмидесяти лет, с крепким разумом, правда, она зачастую ворчливая и чем-то недовольная, но иногда охотная до разговоров и, случается даже, острая на язык. Может зацепить так, что мало не покажется.

В комнате бабы Пани на угловой полочке стоят неизменные иконы, рядом тонкие свечи, на старом комоде лежит мо-

литвенник и библия. Собираясь силами, она два раза в месяц отправляется в церковь, но за тридцать лет так и не смогла подавить в себе сомнения и неуверенность, ощущая себя неспособной ученицей в этой духовной грамоте. Батюшка много раз проводил с ней монотонные беседы с разъяснениями, но до сердца его слова о Спасителе не доходили, потому что оно было занято. «А что, разве я не верю в Бога? – спрашивала себя Паня и тут же отвечала: – Конечно, верю. А как иначе? А, может быть, вера в Бога, рождённая горем, и не нуждается в религии, – думала Паня, но всё равно продолжала ходить в церковь.

Особой дружбы баба Паня ни с кем из соседей не заводила. На равных общается со Светкой Зиновьевой, поскольку живут бок о бок уже тысячу лет, не плохо ладит с Людкой Добротовой, потому что от той гадости никакой не ждёшь, и с симпатией относится к Валентину, который проживает на втором этаже над ней. Но об этом мужчине пойдёт свой отдельный разговор, а пока, баба Паня навалила из шкафов на кровать, словно угольную насыпь, все свои одежды и выбирала подходящие тёплые вещи для наступающего прохладного сезона. Не будем её отвлекать и поднимемся на второй этаж.

Цифра тринадцать на двери всегда вызывает неприятные ощущения, и даже если кому-то, по какой-то причине следует войти в эту дверь, то он, по крайней мере, не спешит этого делать. Что это? Инстинкт самосохранения, при-

витый древним суеверием? Тогда и мы не станем торопиться. Хочется взять маленькую паузу и отвлечь себя каким-нибудь произвольным свободным размышлением. Ну, например: кто сказал, что любовь надо заслужить или завоевать? Наверное, военный, который привык к тяготам и которому просто так ничего не даётся, даже отпуск. Возможно, какая-нибудь актриса или, допустим, продавец цветов возразит ему тут же и скажет, что от любви порой невозможно сбежать, куда уж гонятся за ней, – какое-то странное и бессмысленное дело. Кто-то сравнивает любовь с воздухом, отмеряя её долгожданными глубокими вдохами, от которых кружится голова. Кто-то считает её незримым пламенем в человеческой груди, готовым в любой момент вырваться наружу и растопить любые льды. Так или иначе, всё это поэтично, красиво, романтично и изящно, и будут слагаться песни о любви из века в век, как о непостижимом явлении. Но что делать с теми, кому любовь вообще не нужна? Кто тщательно разобрался в возможностях своей души, проанализировал объём своих эмоций, чувств и понял, что для другого человека, их тратить не стоит. Но этот человек боится даже задуматься, в чём тогда вообще смысл жизни.

В этой тринадцатой квартире в комнате перед трюмо сидела хрупкая женщина в лёгком фиолетовом халате и равнодушно смотрела в зеркало, разглядывая своё бледное лицо. Она отметила опять появившиеся тени под глазами, но эта мрачная синева её уже особенно не пугала, потому что

женщина к ней привыкла. Потом женщина поднялась со стула, прошла на кухню и задержалась у стола, где на разных бумажках было разложено лекарство. Высыпав с бумажки в рот одну такую порцию, она запила таблетки водой, поморщилась и подошла к окну, непрерывно о чём-то думая.

Маргарита Николаевна жила одна, в самом страшном смысле этого понимания. Она жила одна с самого рождения. Имя ей досталось не от отца с матерью, а от заведующей домом малютки, которая в то время тайком читала отпечатанный на пишущей машинке роман Михаила Афанасьевича Булгакова. Вот она и решила назвать подкидыша в честь главной героини, а фамилия возникла благодаря времени суток, когда малышку обнаружили на крыльце заведения и, в единодушном мнении сотрудниц, Маргарита стала Потёмкиной. Спустя годы, воспитатели детского дома прилежную и тихую сироту ставили в пример всем воспитанникам, чем делали мрачное детство девочки, ещё гадостнее. После интерната для Риты наступил небольшой просвет. Она с лёгкостью поступила в педагогический институт, получила место в общежитии, и студенческая пора немного оживила «серую утку», как её называли сокурсницы. Маргарита уже не стеснялась бывать в компаниях, но, разумеется, оставалась в этих обществах на задних ролях в качестве скромного наблюдателя. И вот однажды случилась, вроде бы, банальная история, но отвратившая окончательно и без того непонятное расположение Маргариты к мужскому полу. В турпоходе с палат-

ками к реке приняли участие студенты разных факультетов и курсов. Компания подобралась большая весёлая и шумная. Вечером разожгли костры, пели под гитару песни, танцевали под кассетный магнитофон, а в одной палатке устроили что-то вроде буфета с разнообразными закусками под лёгкие и крепкие напитки. По неумолимой статистике, в педагогическом институте юношей значительно меньше, чем девушек, оттого и охота на парней требовала особой изощрённости и фантазии со стороны прекрасного пола. Надо сказать, что Маргарита прочитала немало произведений об отношениях мужчины и женщины, но все они были написаны классиками в позапрошлом веке или раньше, и казались ей приукрашенными и далёкими от современности. Может быть, в то время и той обстановке, страсть и впрямь могла бушевать, но только внутри героини, удерживаемая приличием и выражалась только в придыхании, а чувства оголялись только в самый последний роковой момент, когда их сдерживать уже не имело смысла. Но сейчас-то зачем ей этот чужой опыт, который даже попытаться использовать нет никакой возможности. Потёмкина и так выделялась среди всех, но, разумеется, не в выдающемся смысле, а как какая-то бацилла, и если она позволит себе какой-нибудь эксперимент со своими чувствами, то её тут же поднимут на смех.

Огонь костра, музыка, мерцающие сквозь тёмную листву звёзды, глоток портвейна всё же подталкивали Маргариту к разным фантазиям. Она представила себе, как приближает-

ся к той опасной черте, за которой можно попробовать открыться, расслабиться и размякнуть в руках своего избранника, а всеобщее веселье поможет ей укрыться наедине с ним. Но юноша, который ей тайно нравился, и уединение, с которым она себе представляла, был облеплен девушками, как подводный камень морскими ракушками, и любая попытка обратить на себя хотя бы искорку его внимания, обошлась бы Маргарите целым вихрем издёвок и насмешек. Про такую безжалостную реальность, больше похожую на утопию, пришлось забыть. И вся эта праздность на природе показалась Маргарите равнодушной и жестокой. Поднявшись с травы, она пошла от костра на берег реки, где долго стояла и слушала робкий шелест ночных волн, смотрела на звёзды и жалела себя, такую маленькую и никому не нужную в этом мире.

Вдруг, между лопатками пробежал холодок, и она почувствовала за спиной чьё-то присутствие. Обернулась. Перед ней стоял сутулый молодой человек, и Маргарита его знала. Это был студент с филологического факультета. Неуклюжей походкой, в мятых брюках несуразно большого размера и болтающейся, как в безветрии парус, рубашке, он несмело приближался к ней. Потёмкина насторожилась, хотя сама порой сопровождала его проход по коридору института сдержанной саркастической улыбкой. Над этим юношей почти все открыто подшучивали, но он не смущался, а отвечал всем своим немного кривоватым добродушием. Но сейчас

обстановка была не совсем весёлой для Маргариты.

– Ты, почему скучаешь? – спросил он (а голос, вопреки внешности, был бархатный и красивый).

– С чего ты взял? – старалась небрежно разубедить его Маргарита.

– Это видно. Ты печальная сидела у костра, а потом уединилась, – бесхитростно объяснил он.

Маргарита молчала, потому что у неё появилось непонятное волнение. Только недавно она мечтала о чём-то подобном, но сейчас она чувствовала себя неудобно, и вдобавок внутри поднималось какое-то раздражение.

– В такую ночь нельзя грустить, – наивно убеждал её сутулый парень, остановившись прямо перед ней, – звёзды могут обидеться. Они любят грусть, но только мимолётную, а не глубокую.

– Тебе-то откуда знать, – буркнула Потёмкина.

– Я поднимался к ним, и они делились со мной откровениями, – красивым голосом сочинял неопрятный юноша. – Они говорили мне, что самые верные спутники дружбы это открытость и простота. И я знаю, как тебя вылечить. Позволь, я тебя поцелую, и ты превратишься в весёлую принцессу?

Маргарита шокировалась услышанным, а молодой человек, видимо, приняв её оцепенелость за молчаливое согласие и, не дожидаясь ответа, наклонил своё лицо к ней и губами коснулся её губ. Маргарита почувствовала слабый запах

вина, смешанный с шоколадом, и влагу на верхней губе, а через миг острой болью сдавило виски. Поддавшись дикому инстинкту, она отскочила от парня и крикнула:

– Урод! Урод несчастный!

И бросилась от него по берегу к тёмным зарослям камышей.

Неизвестно, побежал ли он вслед за ней или нет, потому что Маргарита неслась сломя голову и даже несколько раз падала. Искал ли он её или просто вернулся к кострам, это осталось невыясненным. Маргарита остановилась и опустилась на колени, только когда перед глазами стало совсем темно и она поняла, что углубилась в лес. Отдышавшись от непонятного страха, который был вызван только тем, что кто-то ворвался в её внутреннее пространство, она вновь пошла к реке и просидела до утра под берёзой, вдали от всех, думая о звёздах и о враждебной среде, в которой она по ошибке родилась и существует.

Больше она ни разу не сталкивалась лицом к лицу с этим нахальным оборотнем, который оказался не увальнем, а ловеласом. Завидев его в институте, Потёмкина разворачивалась и спешила в противоположную часть коридора, а он только печально смотрел ей вслед.

Позже у неё случилась ещё одна попытка контакта с женщиной, когда Маргарита Николаевна уже работала в школе и преподавала алгебру и геометрию в средних классах. Приятного вида интеллигентный мужчина был старше её и при-

лично. Это был вдовствующий отец одного из её учеников. Он не пропускал ни одного родительского собрания и всегда задерживался возле Потёмкиной, чтобы подробнее расспросить об успехах сына. Потом он стал чаще заходить в школу уже без вызова и заговаривал с Маргаритой Николаевной не только об учебных проблемах. И вот однажды предложил ей прогуляться по парку, чтобы побеседовать в просторной обстановке. Она неуверенно, мучаясь сомнениями, всё же согласилась и до вечера настраивала себя на неизбежные перемены, которые когда-нибудь и должны были случиться в её жизни.

Они гуляли в свете фонарей, переходя из одного расплывающегося оранжевого колпака, свисающего над аллеей, под другой, мимо пустующих скамеек, и закрытых киосков. Вдовец рассказывал о своей работе, о сыне, о том, как потерял супругу и про одинокие свои размышления на кухне, когда его мальчик уже спал в своей комнате. Прогулка казалась Маргарите даже уютной, пока мужчина не начинал, как бы случайно, касаться пальцами её ладони и придерживать Потёмкину за локоть. От этих прикосновений Маргарите почудилось, что вдовец устал жалеть себя и теперь аккуратно пытается пожалеть её, и какая-то брезгливость появилась в ней от этих знаков внимания. «Да, именно на жалости сейчас и пытаются выстроиться их отношения, – подумала Маргарита, – а так нельзя». Почему-то она решила, что так не положено поступать. С трудом она дождалась окончания сви-

дания и с облегчением отправилась домой. Других встреч у них не было. Только однажды мужчина пытался у неё что-то выяснить в классе после занятий, но прочитал в её глазах бесполезность своих намерений и ушёл. А вскоре его сын перевёлся в другую школу.

Ах, отчаянная, великолепная, мудрая и страстная Маргарита Николаевна, возлюбленная Мастера и любимица Воланда, почему же вы не подарили частичку себя вместе со своим именем этой несчастной женщине?! Хотя, какое я имею право, как рассказчик, что-либо просить у героини другого романа. Простите меня и сочтите эту несдержанность за авторский душевный окрик, и вернёмся к нашей Маргарите.

Она выросла и уже не так отчаянно чувствовала себя несчастным человеком, но и робкое понимание счастья в Потёмкиной при этом тускнело. Уже редкие думы о счастье вызвали в Маргарите раздражение и порой даже сарказм. Она полностью сосредоточилась на работе в школе, преподавала свои предметы чётко, готовясь к каждому уроку. К ученикам не привязывалась и не выделяла кого-то индивидуально, будь то двоечник или отличник, отчего получила сухую и безобидную кличку – «Алгоритка».

Здоровье Маргариты с детства было слабеньким, а к сорока годам и вовсе случилась беда. Видимо, из-за плохой наследственности, оно резко ухудшилось. Отказала одна почка, да и вторая работала не в полную силу, с легкими то-

же было не всё в порядке. Кухня Маргариты превратилась в аптечную лавку, а учительский портфель содержимым напоминал аптечку. Каждый проводимый урок давался ей с большим трудом, и вскоре со школой пришлось расстаться. Потёмкина перевелась в городскую библиотеку на щадящий график работы: день через два, но в то время, когда она оставалась дома, к ней часто подкрадывалось пугающее ощущение надвигающейся какой-то зловещей пустоты. Вот и снова, стоя у окна, Маргарита чувствовала это ужасное приближение неведомой угрозы, которая бесспорно была внешней, и совсем не бытового характера. Эта опасность как будто с далёкого расстояния затрагивала её подсознание.

Сегодня был вторник, – законный для Маргариты Николаевны выходной день. Она вернулась в комнату, взяла с полки книгу и попыталась читать. Но строчки бестолково пробежали перед глазами, и смысл текста не проникал в её разум, потому что тот был занят; вместе с больной душой он отправился в воспоминания студенческой поры, где, как казалось Потёмкиной, был какой-то просвет в её жизни, и где она прошла мимо чего-то важного.

Как рассказчику, мне хочется, чтобы вы понимали, что говорить о чужих судьбах – это доля ответственная, напряжённая и зачастую нелёгкая. Но надо потерпеть, и мне, и вам. Остался последний жилец этого дома, чья квартира под номером шестнадцать находилась напротив квартиры Маргариты Николаевны.

Ненадолго отвлекусь и поясню по поводу расположения квартир в этом доме. Как можно догадаться по нумерации, на каждом этаже было по четыре квартиры, и почти все они были однокомнатными, за исключением боковых квартир, тех, что примыкали к торцевым стенам. Только они имели две комнаты. Получается, что и Зиновьевы, и Добротовы проживали в двухкомнатных «апартаментах», в таких же, как и следующий мужчина, заслуживающий нашего внимания.

Валентин Владимирович Егоров (как мы уже знаем) соответствовал статусу «одиночки» и этим обстоятельством окончательно превращал второй подъезд дома в какой-то безжизненный отсек, где любой звук был пугающей редкостью. О Валентине следует, прежде всего, сказать, что это представитель спокойного, умеренного типа мужчин, которые стараются избегать любых конфликтов. Жизнь для них – это тихая река, по которой они плывут на плоту и, вроде бы иногда хочется попасть в лёгкий водоворот, или приделать парус к плоту, вдобавок с каким-нибудь рулевым устройством, но они быстро успокаивают себя тем, что нет никакого подручного материала для этого. Но если отойти от аллегорий, то Валентин Владимирович, действительно, был робким фаталистом и скромно надеялся на перемены в своей судьбе. Егорову исполнилось пятьдесят два года, и работал он заместителем начальника склада на небольшом мебельном комбинате. Но сегодня (а мы помним, что был вторник),

он позвонил своему давнему другу, который как раз и был его непосредственным начальником, и попросил отгул, сославшись на плохое самочувствие. Начальник, конечно же, по-дружески «зацепил» его прямолинейным намёком насчёт вчерашней лишней рюмки, а Валентин не стал отнекиваться и согласился со своим непреднамеренным похмельем, хотя уже вторую неделю не пил даже пива. Просто, как не парадоксально это можно расценить, ему вдруг захотелось побыть в одиночестве.

После благополучного телефонного разговора, он подошёл к стене комнаты и ладонью погладил обои, которые они когда-то с женой клеили, чертыхаясь и смеясь. Потом Валентин снял со шкафа большую картонную коробку из-под телевизора, наполненную мягкими игрушками, и стал поочерёдно вынимать из неё: то зайчишку, то обезьянку, то тигрёнка, и подолгу разглядывал каждую зверушку, покручивая её в руке. Дочь с внучкой последний раз приезжали к нему в мае, а по его меркам это было очень давно. «Лапулька, наверное, вытянулась за лето», – представлял себе Валентин, и на лице его промелькнула нежная улыбка, а глаза заблестели скупыми мужскими слезами. С особой радостью он вспомнил, что в последнем телефонном разговоре с дочерью, та клятвенно обещала ему, что они вдвоём приедут к нему погостить аж на целую недельку перед Новым годом.

Валентин уже весть наполнился сентиментальным волнительным настроением и, разложив игрушки на диване, он по-

дошёл к серванту и достал два фотоальбома, один толстый потёртый, а другой новый, с глянцевой цветной обложкой. Сел за стол и, погрузившись в воспоминания, стал подолгу рассматривать каждую фотографию.

Жизнь Егорова приняла совершенно другой оборот, когда дочь вышла замуж и уехала за сотни километров от родителей создавать свою семью. Валентин понимал, что это её священное право и естественная жизненная необходимость, но он не был готов к тем последствиям, которые, не торопясь, раскрывались после её отъезда. Жена первый месяц молчала, да и он не мог придумать темы для разговора и списывал этот ступор в общении на обычные переживания за дочь и привыкание к новой жизни без её присутствия. Но потом Егоров словно прозрел, и испугался этого прозрения. Он понял, что дочь была, как бы, мягкой нежной подушкой между ним и женой. Они прижимались к ней и только сквозь неё чувствовали и понимали друг друга. Но, вот теперь, когда подушку отобрали, а сближения щеки к щеке не произошло, осталось расстояние, которое со временем только стало увеличиваться. Он не винил жену за эту разрастающуюся трещину, и уж тем более дочь. Валентин помнил, как всё происходило, и до сих пор чувствовал виноватым себя, но тогда он не понимал в чём именно его вина, и что нужно было делать, чтобы остановить этот отрешённый и молчаливый раскол в отношениях. Его супруга была всегда привлекательна как женщина, умна, тактична во всех обстоятельствах и по-

тому характер у неё был, возможно, чуть скрытный, но добрый. И, может быть, все эти качества и смущали Валентина, и он ждал от неё каких-то действий. Позже он подумывал, что спасительным вариантом мог послужить какой-нибудь скандалчик с дальнейшим выходом на какие-нибудь откровения, но прибегать к такому методу Валентин побаивался, чтобы окончательно всё не разрушить. Совместные вечера и выходные дни продолжали проходить в спокойной напряжённости, но бывало, что за ужином возникали расслабляющие беседы о делах на работе, или обсуждение других новостей. И, конечно же, вся серая обыденность тут же улетучивалась, когда звонила дочь, сообщала про свою жизнь, и они умилённо слушали в телефоне визгливый лепет своей внучки. После телефонного разговора они с супругой ещё какое-то время что-то оживлённо обсуждали, но к Валентину уже подкатывала грусть, поскольку этот всплеск только напоминал, что единственным их общим соприкосновением была дочь с внучкой. Потом, как по негласной команде, они с женой расходились в разные стороны; он смотрел телевизор, она занималась шитьём или другими делами.

Таковыми сухими и размеренными, – на расстоянии вытянутой руки, их отношения продолжались пять лет, и Валентин даже сейчас недоумённо удивлялся тому обстоятельству, что спали они при этом вместе. Так называемые – супружеские обязанности исполнялись не часто и без всякой страсти, отчего Валентин всегда путался: кто именно исполнял

эти «обязанности», он или она?

Настоящий праздник наступал, когда дочь с внучкой приезжали в гости. Радостный дед брал маленький отпуск за свой счёт и не на шаг не отходил от своих девочек. Даже с женой в эти дни они сближались до прежних комфортных отношений, и Валентин с приятной сладостью в душе чувствовал, что это сближение не было показательным только для дочери, ни с его стороны, ни со стороны супруги. Это было похоже на отголосок былого счастья, который пролетел сквозь время, и эхом вонзился в них.

Но потом, когда дочь с внучкой уезжали, жизнь опять текла в своём русле, спокойно, без эмоций и стрессов. Валентин понимал, что такое положение не может долго продолжаться, и чувствовал, что предел таких отношений уже близок, потому и мысли его стали посещать немного судорожные и колючие: как выйти из этого тупика? Необходим был конкретный и откровенный разговор с супругой, и Валентин уже начал на него настраиваться.

В то утро он шёл на автобусную остановку вместе с соседкой – учительницей Маргаритой Николаевной. Вообще-то, такие прогулки были редкостью, поскольку Потёмкина старалась их избегать, но так получилось, что тогда они одновременно вышли на площадку из своих квартир, и деваться той было некуда. Нелюдимая Маргарита даже поддержала по пути разговор, заведённый Валентином Владимировичем о вчерашней серии какого-то мистического сериала, но шоки-

ровало Егорова не эта её дефицитная отзывчивость. Егорова поразил взгляд Маргариты. Она изредка поворачивалась лицом в его сторону, продолжая скупно высказывать какое-то своё мнение, и в её глазах он наблюдал неуместное и неприятное выражение: сквозь пугливую напряжённость проскакивало немедленное желание отстраниться. А самое страшное было для Валентина, что подобный взгляд он в последнее время замечал у своей супруги.

Вечером того же дня, возвращаясь с работы, Егоров решился на откровенный разговор с женой, но, зайдя в квартиру, он застал её за странным занятием. Посреди недели жена разбирала на кровати, выложенную из шкафа одежду. Валентин присел к столу и в долгом молчании смотрел на неё. Все его предварительные наброски для серьёзного разговора вылетели из головы, словно испуганные птицы, которые после выстрела взмывают с большого дерева в разные стороны. На душе было тревожно, а сердце терзала непонятная мука.

«Валентин, прости, я ухожу. Я встретила другого человека», - спокойно сказала она после длительной паузы и продолжала складывать в стопку свои кофты и юбки.

Он смотрел на неё молча всё то время, пока она собиралась. Пару раз ему хотелось остановить её, дёрнуть за руку, сказать какие-нибудь слова, чтобы она опомнилась, но здравый смысл подсказывал, что время для этого уже упущено, что надо было раньше что-то предпринимать, а сейчас он чувствовал её решительность. Валентин даже с чёткой уве-

ренностью понял, что у неё, действительно есть другой мужчина, и она сообщила этот факт не ради пустого повода.

Егоров хорошо помнил то подавленное своё состояние, и лишний раз себе отмечал, что никакая ревность его тогда не жгла. Он даже не воспринимал это как предательство со стороны жены, а только смутно пытался представить себе дальнейшую свою жизнь, параллельно с этим, в душе почти искренне желал счастья своей бывшей женщине и твердил себе постоянно, что он опоздал.

«Я буду тебе звонить», – были последние её слова, а после дверь захлопнулась, он услышал, как отъезжала от дома машина, и началось его одиночество.

Холостяцкая жизнь, как это принято, располагает к спиртным напиткам, и Валентин Владимирович не был исключением из этих правил. Поначалу бывали случаи, когда он уходил в запой, но ненадолго, – на два-три дня, но с середины лета не позволял себе такого расслабления. Он уяснил, что от большого количества алкоголя душа киснет, а разум разлагается, и потом приходится день-другой мучаться, пока пройдёт вялость и беспомощность. Но иногда по пятницам Валентин Егоров возвращался с работы с пивом и жирной воблой. Тогда они с Максимом Зиновьевым на весь вечер занимали старую беседку во дворе, наслаждались легким хмелем, сочной солёной рыбой и вели разговоры, особо не ограничивая себя по темам.

Валентин заулыбался, глядя на фотографию, где он с

юным Максимом стоит на фоне подъезда, подумал, что пора бы возобновить такие посиделки, и решил в пятницу всё для этого прикупить.

На этом, собственно, и заканчивается наше короткое знакомство с оставшимися проживать в этом доме жильцами, но хотелось бы ещё, неким таким авторским размышлением, немного задержать внимание читателя на самом строении.

В человеческом лице, особенно в глазах, можно рассмотреть и прочувствовать основные черты характера этого человека, например: доброту или строгость, недоверие или душевность, предрасположенность к сочувствию или задатки к хитрости. В фасаде любого строения, будь то здание предприятия или жилой дом, также несложно заметить свои отличительные особенности. Удивительно, что, к примеру, ткацкая фабрика, не имеющая дело с открытым огнём, всё равно выглядит какой-то немного закопченной; возможно, так проявляется монотонный труд, который она переваривает внутри себя, а он в свою очередь, вот такой усталостью, выходит наружу. Здание школы, в целом, смотрится каким-то усердным и сосредоточенным на себе. Оно всегда опрятное и ухоженное, но если приглядеться, то можно заметить явное озорство. За большими межэтажными окнами, как весенний ручеёк, бегут ступеньки, и не трудно себе представить в какую бурлящую реку они превращаются, когда прозвучит звонок на перемену. А вот корпус больниц всегда напоминает о неразлучности трёх сестёр, имя кото-

рым – боль, тревога и надежда. Холёные строения городских управлений и администраций даже затрагивать своим вниманием не хочется; для многих людей они и без моих опущенных описаний никак не вхожи в простор обычного человеческого бытия. Вернёмся лучше за черту города к нашему старенькому двух-подъездному серому дому, и пройдемся к нему, словно мы случайно свернули на грунтовую дорожку.

В реальности, только беспечная любознательность может провести случайного прохожего по этой «грунтовке» мимо сгнивших огородных участков и разрушенной машинной станции до самого конца; и если этот человек окажется чувственной и впечатлительной личностью, то он не пожалеет, потому что станет пленником необычных ощущений. Ему покажется, что он находится возле необычного скита, где вся округа пропитана аскетическим таинственным духом. Густая печаль здесь повсюду, и если попытаться вникнуть в её сущность, то на ум такому романтику могут прийти только какие-нибудь ассоциативные фантазии, типа: горстка людей покинула мирскую суету, чтобы создавать здесь магические артефакты на основе каких-то добытых древних знаний. Ну, а человек практичный и приверженец гуманизма, в первую очередь отругает государство, за такое отношение к своим гражданам, а потом также проникнется печалью, глядя на это захолустье.

Захолустье – грубое, но самое ёмкое определение этого места. Безлюдье, вместе с какой-то глобальной тоской, вы-

зывает ещё и внутреннюю напряжённость, но если всё-таки расслабиться и отпустить в свободное плавание своё воображение, то, постояв недолго во дворе одинокого дома, можно уловить некую духовность в окружающей обстановке. Вот, к примеру, бельевые верёвки, провисшие между двумя ржавыми стойками, покачиваются, словно гитарные струны в переборе, и далёкая мелодия романса непроизвольно начинает звучать в подсознании. Ещё можно прислушаться и догадаться, о каких разговорах вздыхает кривая старая беседка, а потом посочувствовать обшарканной дверце второго подъезда, которая всхлипнула под порывом ветерка, горько о ком-то скучая. Матовые от внутренней пыли окна заброшенных квартир как бы безмолвно убеждали, что они помнят и законсервировали в себе все события, которые происходили перед ними и внутри них. Серые стены так же не оставляют сомнений, что многое впитали в себя. Это и светлые солнечные дни, и грибные дожди, жгучий мороз, пушистый снег и, наконец, людские раздоры с обычным человеческим счастьем.

Мне хочется верить, и я убедил себя, что старые дома, в отличие от людей, ничего не забывают, и хранят свои воспоминания, вплоть до рычащей разрушительной техники, которая нацелилась на их уничтожение. А потом эти воспоминания вместе с пылью поднимутся вверх, но в отличие от этого праха, они не осядут на развалины, а взлетят выше, за пределы небесного пространства, в какое-то специальное хра-

нилище. Но пока такое печальное событие этому дряхлому сооружению не грозило, и дом напоминал какое-то возрастное животное, отбившееся от своей стаи по причине усталости и болезни.

Пожалуй, достаточно аллегорий, и припомним, что наступил сентябрьский день; далеко не пасмурный, но и не облаканный солнцем, а двухэтажный дом, стоящий у леса, выпустил из своего подъезда Милу Добротову, которая собралась в город за стиральным порошком и фаршем, и вновь погрузился в дрему, оберегая одиночество оставшихся четырёх жильцов.

Глава 2. Преступление и наказание.

В обеденный перерыв Максим Зиновьев вышел из типографии и направился в столовую, где он обычно брал тарелку супа, заказывал у женщины на раздаче только гарнир с подливой, без всяких мясных ошмётков, и стакан сока. Но отобедать в этот день, ему было не суждено. Перейдя через улицу, сердце Максима учащённо забилося, а внутреннее волнение ватой поднялось к самому горлу, потому что он увидел ту, которая когда-то чуть было, не стала его женой, и которую он вспоминал сегодня утром, идя к остановке. Макс так и не виделся с ней после своего внезапного бегства перед свадьбой, а с тех пор прошёл почти год. Был только один телефонный разговор на следующий день после его исчезновения. Вернее даже, не разговор, а монолог этой девушки: нервный, истеричный, с оскорблениями в адрес беглеца, но поставивший жирную точку в их романе.

Максим немного растерялся, и возникло даже постыдное желание немедленно затеряться в толпе. Он был не готов к этой встрече, а если честно, то никогда об этой встрече не думал, не мечтал, и разумеется, не представлял себе сейчас по какому сценарию пойдёт разговор. Но отступить было поздно, поскольку девушка его заметила, решительно направилась к нему, и первая же её фраза обещала лёгкость, а не скандальное направление предстоящей беседы.

– Привет вояке, покинувшему поле боя.

Макс заулыбался, застенчиво опуская глаза и, разглядывая её стройные ножки, красующиеся под бордовым юбочным костюмом, сказал:

– Ты даже не представляешь себе, насколько ты сейчас права.

– В том, что поздоровалась с тобой? – попыталась пошутить она.

– Нет. В том, что «...покинул поле боя», – старался Максим, как можно быстрее избавиться от неуверенности.

– А я рада, что такой красавчик, как ты, не стал воевать до конца, иначе бы я не встретила в своей жизни настоящего мужчину, – ответила она чуть дерзко и, как бы невзначай, продемонстрировала обручальное кольцо на пальчике.

– Я рад за тебя, – поздравил её Макс и, вполне, искренне.

– Будем стоять или присядем? – спросила девушка и призналась: – У меня есть несколько свободных минут.

Максим огляделся по сторонам, реагируя на её предложение. На автобусной остановке, хотя лавочка и была свободна, но рядом толпились пассажиры, а других посадочных мест поблизости не наблюдалось. Пойти в столовую и хлебать за разговором суп, – такой вариант Зиновьев даже не рассматривал.

– Лучше отойдём к киоску и просто постоим, – предложил он, – если тебя это не затруднит. Так даже удобнее разглядывать тебя и запоминать твою красоту.

– Чего тогда сбежал, раз я такая красивая? – упрекнула она, заходя вместе с ним за табачный киоск.

– Ты же сама сказала, что я испугался бытовой войны, в которой твоя красота могла для меня померкнуть, – пустился он в объяснения. – А сейчас, я наслаждаюсь, глядя на тебя, и завидую тому победителю (кивнул он на кольцо), как обыкновенный дезертир.

– А ты всё такой же балабол, как раньше, никогда от тебя не дождёшься откровенного ответа, – немного обиделась она.

– Ах, если бы я знал эти ответы, душа моя, – вздохнул Максим, улыбаясь.

– Мужичу четвёртый десяток, а он всё витает в облаках, как беспечный юнец, – с ироничным укором высказалась бывшая возлюбленная, и заметила: – И я уже не твоя душа. Не надо этих пышных тонкостей.

– А вот теперь ты неправа, – как бы остерёг её Макс. – В своей душе я соорудил маленькую уютную комнатку, которая всегда останется за тобой, чтобы не случилось.

На лице девушки появилось лёгкое волнение от такого признания и, после небольшой паузы, она приглушённым голосом сообщила, светясь от счастья, но с какой-то долей сочувствия:

– Макс, ...а у меня будет ребёнок. Такой необычный сегодня день, и очень странно и неожиданно..., что ты, чуть ли не первый, узнаёшь об этом. Даже раньше его отца и ба-

бушки с дедушкой.

В глазах Зиновьева заблестела нежность, которая сменилась восторгом, словно ему только что сообщили о его собственном долгожданном малыше. Явно удерживая себя от чего-то большего, он поцеловал своей бывшей девушке руку и сказал:

– Ты будешь замечательной мамой.

– А женой? – тут же поинтересовалась она с небрежным вызовом.

– Не сомневаюсь, – коротко ответил он.

– Какой же ты всё-таки, дурак, – многозначительно заявила она, не собираясь больше ничего объяснять по этому поводу, и поинтересовалась на другую тему: – Как, кстати, Светлана Александровна поживает?

Максим покусал нижнюю губу, приподнял вверх брови и ответил:

– Как обычно: чуть-чуть недомогает, бывает, что и капризничает из-за этого, но всегда безмятежно меня любит и ждёт.

– Если считаешь нужным, то передавай ей от меня привет, – просила будущая мать с подчёркнутым безразличием.

– К чему это: «если считаешь нужным»? – натурально удивился и немного возмущился Максим. – Обязательно, передам, и она будет очень рада....

– Не обижайся. Я просто к тому, вдруг тебе не захочется вместе с ней ворошить всякие скелеты в шкафу, – перебила

его пояснением девушка.

– Какие скелеты...? – рассмеялся Максим. – Ты не представляешь, как она обрадуется, узнав, что ты станешь мамой.

– А у неё, то есть перспективы стать бабушкой? – уколола она его в свою очередь.

Максим тяжело вздохнул и ответил:

– Она сказала, что не покинет этот мир, пока не увидит внука или внучку. Я, конечно, хочу, чтобы она его вообще не покидала, но это, всего лишь, грустная шутка. А над созданием потомства придётся всё-таки поработать.

– Какой же ты балбес, – на выдохе бросила она.

– То балабол, то дурак, теперь балбес, – игриво возмутился Макс. – Похоже, ты уже репетируешь роль матери. Я чувствую себя каким-то школьником перед тобой.

Она шлёпнула его кулачком в грудь и печально рассмеялась.

– Ты меня обидел тогда, но не унизил, – заговорила она, погрузнев, – потому что нельзя относиться серьёзно к поступку испуганного ребёнка. Ты по-прежнему не спешишь взрослеть и, возможно, поэтому мне было легко и хорошо с тобой когда-то. – Не говори с такой грустью, – попросил её Максим, – а то у меня складывается впечатление, что твой муж, и впрямь какой-то одержимый войной викинг, который обнимает тебя впопыхах между сражениями, не снимая своей кольчуги.

Девушка опять рассмеялась, но уже веселее, и сказала:

– Не беспокойся, он у меня хоть и надёжный, как воин, но с чувством юмора не меньшим, чем у тебя. А ещё он нежный, и я с ним счастлива. Я и с тобой была бы счастлива, но... ты что-то себе надумал и решил по-другому.

– Ты умница, – без всякого лукавства хвалил её Максим, – ты мудрее меня и намного. Ты уяснила, что мужчина создан для разрушения, а женщина для счастья, и ты это прекрасно понимаешь и используешь это знание. Я перед тобой пасую, потому что ты всегда была умной, а у меня только сейчас появляются нужные мысли. Мне ещё тогда следовало набраться смелости и сказать тебе, что ты ни в чём не виновата, что вся вина лежит на мне. Да, это я не захотел меняться, а решил остаться самим собой. Идиотское мальчишеское рвение захлестнуло, но вмешалась та же осторожность, как у подростка. Понимаешь, когда хочется прикоснуться буквально ко всему, но не брать в руки, чтобы не нести за это ответственность.

– А ты стал философом, – заключила она, – раньше я за тобой подобных размышлений не замечала. Всё больше было банальностей, да, глупостей.

Зиновьев любовался её насмешливыми глазами и ответил:

– Нет, я всегда был таким, просто боялся тебя напугать своими теориями.

– Надо было хотя бы попробовать, а может, я не испугалась бы? – предположила она.

– Надо было, – неохотно согласился Макс.

– Знаешь, мы с мужем живём в отдельной квартире, и я часто задумываюсь: а как бы было, если бы мы с тобой снимали тогда угол? – доносила она мечтательно свои сожаления. – Возможно, всё сложилось бы по-другому. Ты бы убедил меня в необходимости этой дурацкой свадьбы....

– А у вас была свадьба? – прервал её Макс, болезненно заинтересованный этим обстоятельством.

– Была, – грустно кивнула она, – полностью за его счёт, и какую затребовала я: – на целых три дня. Ты оказался прав: – в этом праздновании нет ничего романтического. Я устала от этой свадьбы...., словно чумой переболела. Ты говоришь, что я мудрая, а объясни мне тогда вот такую женскую дурость: – я ношу ребёнка и очень хочу, чтобы это была девочка и, ко всему прочему, уже сейчас мечтаю и воображаю, как будет она выглядеть на своей свадьбе. Ну, какой диагноз ты мне поставишь?

Максим с улыбкой отрицательно покачал головой и сказал:

– Дело вовсе не в свадьбе. Тебе, как любой женщине, просто хочется жизненной красоты, и постоянного душевного праздника. А я не дорос, чтобы делать такое волшебство.

– Ну-ка, перестань строить из себя вечного ученика и делать из меня старуху. Насколько я помню, я моложе тебя лет на пять, – напомнила она.

– О, да. Ты свежа, как роза, по сравнению с таким какту-

сом, как я, – поспешил успокоить её Максим. – Я не в том смысле.... Я говорю только о своих возможностях. У меня была принцесса, а я понятия не имел, как сделать её королевой. Попросту, я струсил. Как уже сказал: испугался новой жизни; что нужно выстраивать отношения с твоими родителями так, чтобы ни в коем случае не поставить тебя перед каким-нибудь выбором. Но это далеко не единственное, что смущало меня. В общем, я был не готов к такому повороту. Только осознал это поздно и, как-то, внезапно.

– А сейчас? – спросила она и посмотрела на него с той нежностью, с какой смотрела в его глаза больше года назад.

На Максима накатила волна тех забытых и уже далёких чувств. «Почему прошлое умеет так мстить, и так больно и изощённо издеваться над человеком?», – подумалось ему.

– А сейчас, это уже не имеет никакого значения, – тихо отвечал он. – Ты сказала, что счастлива, и я прошу тебя..., ради твоего будущего ребёнка, никогда в этом не сомневаться. А я разберусь в себе сам.

Максим взглянул на наручные часы и, причмокнув губами, проговорил:

– Ну, к сожалению, мне пора.

– Ты прав, не стоит будоражить себя прошлыми глупостями. Тем более, когда у меня так чудесно меняется жизнь, – сказала она напоследок, но с какой-то обречённостью и, чтобы загладить это нечаянное расстройство, спросила: – У тебя всё тот же номер? Не изменился?

Максим в ответ ей кивнул головой, и она добавила:

– Тогда, как-нибудь позвоню. Похвастаюсь, кто у меня родится.

Она коснулась пальчиками рукава его лёгкой куртки и пошла, не оборачиваясь, по тротуару в сторону центра, а Максим ещё долго провожал взглядом её ладную фигурку в облегающем юбочном бордовом костюмчике, пока она не затерялась далеко в толпе. Он грубо схитрил, когда взглянул на часы и напомнил о времени. Просто, ему хотелось прервать эту беседу, которая начинала терзать его душу, и готова была вот-вот направиться в уже ненужное никому русло, к тому же ещё, и опасное.

Он постоял недолго, находясь под впечатлением этой неожиданной, но приятной встречи, а потом, не спеша, перешёл улицу в обратном направлении и вскоре скрылся за дверью с неброской табличкой, обозначающей вход в типографию.

Как мы уже знаем, Мила Алексеевна Добротова в районе полудня так же была в городе. Она купила стиральный порошок, фарш для Светланы Александровны, ещё какие-то мелочи, и теперь спешила на автовокзал, чтобы успеть на автобус, отходящий в сторону дома очень редко в дневные часы.

– Мила Алексеевна! Дорогая, Мила Алексеевна! Здравствуйте! – услышала Добротова за спиной бурное приветствие, когда уже искала на стоянке нужный автобус.

Она повернулась и увидела смуглую маленькую женщину в цветастом платке, наброшенном небрежно на чёрные как смоль вьющиеся волосы. На цыганке было тёмно-синее полупальто, немного раннее для пока ещё тёплого сезона, и из-под драпа спускалась до асфальта длинная юбка, такая же, как и платок, вся в цветочках.

– Спасибо вам за Ромочку! – прижав руки к груди, сказала женщина, подходя к Добротовой вплотную и, видя по глазам, что та её не могла до конца вспомнить, поспешила с разъяснением: – Помните, в начале лета... мальчик, который отравился ртутными парами? Ну, который нашёл коробку с разбитыми градусниками? Вы его тогда без страхового полиса и всяких проволочек приняли и упросили доктора о немедленном лечении.

– Ах, как же, конечно, помню! – с уверенностью ответила Мила, вспомнив тот тревожный случай с кудрявым цыганёнком. – Я и вас теперь вспомнила. Вы при выписке завалили меня тогда подарками. Цветы, конфеты... всё это было ни к чему, а вы всё равно оставили их у меня в «сестринской».

– Да, что вы. Это всего лишь маленькая капля за вашу доброту, – уверяла её радостная от встречи цыганка.

– А как Ромашка? – оживлённо спросила Мила. – В школу пошёл? Он же у вас художник, как я помню.

– Ой, художник, – с наслаждением подтвердила женщина, не отнимая руки от груди. – Он же ещё в больнице вас рисовал, а я всё никак не решусь принести вам его рисунки.

И вот ещё, что должна вам сказать: когда Ромочка вернулся тогда домой, он целую картину написал. Ох, и картина получилась.... Как же хорошо, что я вас встретила, – торопилась она и говорила на радостях невпопад. – Там вы с каким-то мужчиной стоите возле двухэтажного розового дома, а рядом ёлочки, берёзка, беседка. Очень красиво вышло. Он меня всё просит отнести её вам, говорит, что это важно, а я, если честно, побаивалась к вам заходить в больницу, подумаете ещё, что я липну, как навозная муха со своими благодарностями. И вот, встретила вас на улице.... Теперь уже точно вам занесу. Вы когда работаете?

– За...-завтра, – неуверенно ответила Мила, ошарашенная немного такой болтовнёй, но больше всего её смутило описание странной картины; мальчик никак не мог угадать дом, в котором она живёт.

Цыганка заметила волнение на лице Добротовой и спросила:

– Что с вами?

– Всё хорошо, ...просто что-то нахлынуло. Видимо, находилась по магазинам, – попыталась Мила успокоить, прежде всего, себя.

– Давайте, я провожу вас до автобуса, – предложила маленькая женщина и, не дожидаясь ответа, перехватила из рук Добротовой хозяйственную сумку.

– Да, что вы. Не надо, я сама, – пыталась протестовать Мила, но смуглянка, уже бежала впереди неё и спрашивала:

– Какой ваш автобус?

– Тридцать шестой, – почему-то с трудом вспомнила Добротова.

– А-а..., он там стоит, – указала куда-то вперёд бойкая женщина и продолжала говорить на ходу: – Я ведь только по матери цыганка, а отец у меня серб, но я его почти не помню, поэтому набралась от мамы только цыганских традиций. Даже гадать получается. Понимаю, к цыганам брезгливо все относятся, поэтому и знакомых у меня здесь не так много, но вы знаете, Мила Алексеевна, не так давно, я погадала соседям, и вы представляете, ... всё сбылось, – заявила она с гордостью, но, в тоже время, как будто удивлялась своим способностям, и предложила: – Хотите, я вам тоже погадаю?

– Если честно, я в эти гадания не особо верю, – ответила Мила, но, подумав про рисунок её сына, добавила: – Как правило, вы обнадёживаете какими-нибудь светлыми ожиданиями, а я потом переживать буду.

– Вам я никакой пустой надежды уж точно не дам. Скажу, только то, что увижу, – строго пообещала цыганка.

Возможно, Мила Алексеевна почувствовала ниточки одиночества, связывающие её с этой женщиной, и ради шутки согласилась:

– А, давайте попробуем. Потом вместе и посмеёмся.

Маленькая женщина подошла к лавочке, поставила сумку и попросила:

– Дайте мне какую-нибудь личную вещь, и я возьму у вас

Один волосок.

– А что у меня личного? – удивилась Мила Алексеевна. – Разве что кошелёк.

– Пойдёт, – сказала смуглянка, взяла кожаный кошелёк, осторожно выдернула с головы Добротовой волос и стала проделывать руками какие-то хитрые манипуляции.

Затем вернула кошелёк, поднесла ладони к лицу и так неподвижно стояла какое-то время. Потом опустила руки и посмотрела на Милу немного отрешённым и задумчивым взглядом. Та напряглась в ожидании.

– Что-то необычное с вами произойдёт, – осторожно заговорила цыганка. – Вижу, всё вокруг будет белым и непроглядным, как будто снежная зима вдруг неожиданно опустится на вас. Будет страх, ...очень сильный страх. Отчаяние будет, ...потеря какая-то, и жгучую обиду вижу. А потом счастье. Я чётко увидела ваше счастье. Вы во всём белом, как ангел, стоите в большом зале, и вас все любят.

Предсказательница с нежным ободрением посмотрела на Милу и погладила её по плечу.

– Вы сейчас столько наговорили, что мне уже стало страшно, – по-детски пожаловалась Добротова, а собеседница закрыла глаза и тихо произнесла, как будто и не ей вовсе:

– Вы сами не понимаете, как приятно с вами даже просто так постоять. Вроде и небо серое, и осень пришла, а я словно в майском дне купаюсь. Вон, ваш автобус, – открыв глаза, кивнула цыганка на стоящий поблизости транспорт.

– Вы уверены? – засомневалась Мила, но цыганка только улыбнулась, пожала плечами, взяла сумку и обе женщины поспешили к открытой передней двери.

– Я завтра зайду к вам в больницу, принесу Ромочкин рюкзак, – крикнула маленькая смуглая женщина, когда Мила Алексеевна поднялась уже в салон автобуса.

– Обязательно. Буду ждать, – добродушно ответила она, и дверь закрылась.

В дороге Мила задумалась над странным предсказанием цыганки и не понимала насколько серьёзно стоит к нему относиться, и нужно ли этому верить вообще.

А кому можно верить в этом мире? Этот вопрос задаёт себе каждый человек, ещё с детства. Другьям во дворе? Но сколько их отсеялось из отряда друзей из-за банального вранья? Родителям? Но кто же не помнит отозванные ими обещания, за наши неразумные проступки. Начальнику и коллегам по работе? Это забавные примеры. Политикам и журналистам? Смешнее вариант в наше время и придумать сложно. Гадалкам? А здесь стоит призадуматься, когда они занимаются своим ремеслом бескорыстно. Стоит сразу отметить, что ни одна купюра из бумажника Милы не пропала. Те, кому случалось пользоваться услугами гадалок, имеют свои разные мнения на этот счёт, а кто только читал о таких предсказаниях в книгах, скажу, что писателям, впрочем, как и художникам с композиторами, можно доверять. Так вот, от себя замечу: цыганка кое-что, безусловно, разглядела в бли-

жайшем будущем Милы Добротовой.

У подполковника милиции Михаила Анатольевича Жмыхова был насыщенный рабочий день с бесконечными нудными докладами подчинённых, одним совещанием и звонком от вышестоящего руководства. Под вечер Михаил Анатольевич был вознаграждён за свои труды приятной и неожиданной встречей. Внизу, на пост дежурного доложил его старый армейский приятель, оказавшийся проездом в этом городе. Как водится в таких случаях, друзья вначале душевно посидели в кабинете подполковника за коньячком, вспомнили солдатскую службу, поделились семейными перипетиями и поверхностно обсудили ситуацию в стране. Потом состоялась поездка по городу на служебном автомобиле, с задумчивой песней о берёзах на заднем сидении, исполненная этим дуэтом несколько раз. Затем были проводы друга в гостиницу с заходом в номер и тремя рюмками водки на посошок. И после этого, сидя на переднем пассажирском месте и пребывая в блаженной истоме, уже под проносившийся электрический свет за стеклами машины, Жмыхов ехал домой.

Михаил Анатольевич попросил водителя ехать помедленнее, чтобы взгляд хоть немного мог фокусироваться на освещённых тротуарах, рекламных вывесках на фасадах зданий и прочей вечерней ерунде. При этом он внутренне восхвалялся тем, как же он всё-таки удачно устроил свою жизнь. Подполковник с удовольствием вспомнил про приглашение

на рыбалку на предстоящих выходных и запланировал на следующей неделе очередное развлечение с блудницей в своей норе за городом.

Но только не мог знать самодовольный Михаил Анатольевич, что все его планы, расписания, да и сама жизнь полетит под откос уже сегодня.

Подполковник вошёл в прихожую своей шикарной четырёхкомнатной квартиры, напевая себе под нос всё ту же «берёзовую» мелодию, разулся, снял китель и прошёл на кухню, где пахло котлетами, а возле плиты в пол оборота к нему стояла супруга в голубом фартуке надетым для готовки поверх розового халатика.

– Ко мне сейчас такой... такой человек в управление заезжал! – потягиваясь от удовольствия, хвастался Жмыхов и допытывался у жены: – Ну, угадай. Угадай с трёх раз кто.

– Не знаю, – буркнула она, не желая догадываться.

– Эх, ты, кухарка никчёмная, – не лестно отозвался о ней муженёк и воскликнул: – Юрка! Свидетель наш на свадьбе!

– Так чего сюда его не привёл? – сухо поинтересовалась жена, переворачивая котлеты.

– А-а, – махнул на неё рукой Михаил Анатольевич, начиная разочаровываться. – Твоё ворчанье, что ли, ему слушать?

Он прошёл к окну, взглянул на вечерние кварталы города и решил продлить себе вдохновлённое настроение:

– Юрка – это же мой старый армейский друг! Душа, а не

человек! Такой открытый, светлый..., хоть нимб на его голову вешай.

– Бывает, – отвернувшись к плите, скуповато встала жена.

– Сколько мы всего с ним сегодня вспомнили...! И сапожки, и ёжика в сапоге прапорщика, – при этом Жмыхов зашёлся весёлым покашливанием, а потом продолжил: – ...Как на «Зилу» гоняли по тайге. А потом, представляешь, зацепили за задний мост трос, привязали его к деревянному крыльцу казармы и рванули. Крыльцо тогда покосилось и чуть не рухнуло. Вся рота как по тревоге подскочила. Подумали, война началась.

– Замечательно, – отреагировала супруга, не поворачиваясь к нему.

Радостное настроение Михаила Анатольевича начало резко улетучиваться и душу наполняло нехорошее тяжёлое раздражение.

– Ты можешь оторваться от плиты и послушать, когда я говорю, – повышенным тоном обратился он к жене.

Она повернула в его сторону только лицо и спокойно ответила:

– Я и так тебя внимательно слушаю, но если я буду ещё и глазеть на тебя, то сгорят котлеты.

– Да, к чёрту твои котлеты! – рявкнул Жмыхов и злобно бормотал, уходя с кухни: – Я их жрать не буду. У человека радость, а она послушать не хочет.

В широком коридоре он столкнулся с дочерью, которая

лениво шла узнавать у матери: что с ужином. Схватив её за плечи и, слегка встряхнув, Михаил Анатольевич спросил:

– Ты-то хоть рада, что у тебя такой папка?

– Конечно, – с равнодушием ответила юная леди.

– Дочь, я из тебя принцессу сделаю! – заявил с коньячным перегаром Жмыхов и стал целовать её в щёки.

– Обязательно, – прозвучало с тем же равнодушием, и девушка чуть брезгливо отстранилась от отца, прошла в кухню и о чём-то тихо спрашивала мать.

Руки подполковника обвисли, как мокрые тряпки, и сам он весь ссутулился до невозможного образа. Он с трудом понимал, что с ним сейчас такое происходит и что с этим состоянием делать дальше. Невыносимая тоска и злоба накрыли его. Он почувствовал себя ненужным посетителем, оказавшимся по случайности не в том месте и не в то время. Ему хотелось бежать отсюда, от этих чёрствых особей женского пола, зацикленных только на себе. Униженный Жмыхов стоял в коридоре и жалел: зачем он не остался у Юрки в гостиничном номере, ведь тот ему предлагал. Первая возникшая у Михаила Анатольевича идея и была, как раз, вернуться в гостиницу, но, представив, с каким неприятным осадком он вновь встретится с другом, он передумал. Озлобленный на весь мир подполковник милиции обулся, набросил на себя китель и вышел из квартиры, смачно хлопнув дверью, чтобы эти две куклы поняли, с каким негодованием он уходит.

Выйдя из подъезда, он достал мобильный телефон, вызвал

служебную машину и стал ждать, прохаживаясь пасмурной походкой от подъезда к подъезду, разбираясь в своих хмурых мыслях. И вроде бы стоит посочувствовать в данной ситуации Михаилу Анатольевичу, но он относится к тому типу мужчин, которые считают, что даже такое неприятное душевное состояние находится под их контролем, и постороннему лицу лучше в него не влезать. А рассуждения его были примерно такими: – сколько же он добра сделал, для этих двух «поганок», от которых настоящей благодарности никогда не дождёшься. Когда же они научатся его ценить? Со всеми своими проблемами они первым делом бежали к нему, и он-то их умел выслушивать, и чем мог, помогал. А сейчас, когда он пришёл домой в радости от встречи с другом и нахлынувших воспоминаний, разделить эту радость не с кем. Это же так просто: выслушать, понять, и можно ничего не говорить, а только улыбнуться. А если он – подполковник милиции, допустим, принесёт семье какие-нибудь служебные проблемы, то чего тогда ждать от этой семейки? Эти «сонные тетери» встрепенутся, и будут шараться от него по углам, как от заразы? Жмыхов сделал неутешительный вывод, что его личные чувства никому не нужны. Так пусть же и его бабы катятся ко всем чертям, хотя бы на время.

Подъехала белая «иномарка» с голубой полосой по борту и сине-красной световой стойкой на крыше. Всё тот же молодой водитель в милицейской форме, не выходя из машины, спросил:

– Куда поедем, Михаил Анатольевич?

– За город в двухэтажку, – буркнул Жмыхов.

– За мадамой заезжать будем? – привычно поинтересовался шофёр.

– Нет, Серёженька, сегодня никуда заезжать не будем. Настроение не то, – пожаловался начальник и погрузился на заднее сидение.

Машина, вызывающая у обычного автолюбителя, по крайней мере, опаску, выехала со двора и вскоре её габаритные огни слились с другими огоньками транспорта в потоке улицы, унося за пределы города оскорблённого в своих чувствах подполковника Жмыхова.

В каком-то старом фильме звучала такая фраза: «Счастье – это когда тебя понимают». Наверное, в некоторых случаях можно с этим согласиться, но вначале хочется разобраться, что же происходит с человеком, когда его всё-таки не понимают. А случается обычное нервное расстройство, с которым в одиночку разбираться – болезненное и, порой, гиблое дело. Это не палка о двух концах, а копьё с острым наконечником, которое карябает или вонзается в грудь, а тупое окончание древка болтается из стороны в сторону, никому не нужное. А ещё непонимание похоже на горькую несъедобную кашу, которую человек сам же себе и заварил. Только умные люди после двух ложек отставляют тарелку в сторону и, с лёгким сожалением о пропавших продуктах, начинают задумывать новое блюдо, а другие наедаются этой кашей на

зло, чтобы потом изрыгнуть её на всех и на каждого. И ведь, чтобы меньше было этих отходов, стоит каждому из нас хотя бы только сделать вид, что мы понимаем друг друга.

Ах, сентябрь – печальный новатор осени по укорачиванию вечеров. Зачем ты так спешишь спрятать свою огненную позолоту в ночную тишину?

Округа возле серого двухэтажного дома безропотно уже сдалась в плен густым сумеркам, лес возвышался тёмной пугающей стеной, руины машинной станции словно превратились в какой-то скорбный призрак прошедшей войны, а заброшенные огородные участки и вовсе съела сизая пелена, появившаяся непонятно откуда ещё ранним вечером. Мрачную чёрную картину можно бы было назвать: «Исчезновение мира», если бы не несколько горящих окошек в доме, да развешенное во дворе постиранное Милой Добровой бельё, не сопротивлялись этому «исчезновению».

Максим Зиновьев рассказал Светлане Александровне про сегодняшнюю встречу со своей бывшей девушкой и теперь жадно уплетал пельмени, с благодарностью поглядывая на мать.

– Как у тебя продвигаются поиски новой работы? – спросила она без всякой надежды на положительный результат.

– Никак, мам, – поморщив нос, подтвердил Максим её скептичность, – осень не располагает к безумным начинаниям.

– Это всё твои предрассудки, мой ненаглядный, – строго заметила мать. – Осенью дети идут в новый класс, природа начинает готовиться к зиме. Глупо тебе напоминать, что и птицы тоже совершают свой далёкий полёт осенью, затем, чтобы вернуться и вить гнёзда.

– Вот когда прилетят, вместе с ними и начну действовать, – шуточно пообещал сын с набитым ртом.

Светлана Александровна дотянулась рукой до его волос и, как будто нежным упрёком, потрепала их.

– Балбес ты у меня, балбес, – выдохнула она.

– Я эту свою кличку уже слышал сегодня от известной тебе молодой особы, – откликнулся Максим.

Она с прищуром посмотрела на сына и коротко спросила:

– Жалеешь?

Максим не спешил с ответом, доел последний пельмень, промокнул полотенцем губы, откинулся на спинку стула и заговорил с задумчивостью:

– Наверное, жалею. А вообще, ...не знаю. Я тебе уже сказал, что она стала ещё прекраснее. Наверное, потому она и расцвела ещё краше, что перестала быть моей. Но разве не такими замечательными упущениями красится жизнь? Конечно, я жалею, но получаю от этого наслаждение. Ни о чём не жалеет тот, кто и жизнь не понимает. Журавлей в небо выпускают совсем не дураки, а романтики, чтобы лучше разглядеть эту птицу в полёте.

– Ой-ой, философ мой в рваных джинсах, – иронично

подметила мать, – как бы тебе не пришлось вороной любоваться в отсутствии других птиц.

Макс посмотрел на неё с зародившейся занятой идеей в глазах и восторженно сказал:

– Мам, ты у меня гений! А представляешь, если ворону выкрасить в голубой или розовый цвет?! И отпустить. Нет, ты представь, – настаивал он, – сколько народу будет за ней гоняться.

– О, наконец-то мой сын познал, что главная премудрость современных девок, заключена в камуфляже, – высказалась Светлана Александровна и, вставая из-за стола, добавила: – Тарелку в раковину, и пошли в комнату, там сериал начинается.

Диалог мог состояться только в этой квартире, потому что в остальных помещениях дома люди прибывали в одиночестве. Мила Алексеевна жарила мясо к утреннему возвращению своего мужа, Маргарита Николаевна читала книгу, Валентин Егоров аккуратно складывал обратно в коробку мягкие игрушки и смотрел по телевизору футбольный матч, а баба Паня собиралась укладываться спать, почувствовав в себе для этого приятные позывы.

Именно в этот момент белая «иномарка» свернула с трассы на грунтовую дорогу, и подполковник Жмыхов попросил водителя Сергея включить мигалку, но без звука серены, а радиоприёмник сделать погромче. Таким образом, он хотел показать соседям, что если уж он и приезжает сюда, то неза-

меченным этот приезд оказаться, ну, никак не может. Но эта гениальная уловка, пришедшая в нетрезвую голову Михаила Анатольевича, вызвала совсем не тот эффект, который он ожидал. Когда по тёмному двору полетели красные и синие слепящие огни, сопровождаемые ритмичным буханьем, в доме началась лёгкая паника. Даже Маргарита Николаевна, выключив на кухне свет, прильнула бледным лицом к холодному стеклу, всматриваясь в милицейскую машину. Несмотря на то, что окна бабы Пани выходили на другую сторону, пропустить старушка такой шум не могла, и наспех набросив на себя телогрейку, она осторожно вышла из подъезда. У Милы Алексеевны ёкнуло сердце, когда она заметила во дворе милицейские маячки. Её Пётр был на работе и первое, что она подумала: случилась авария. Она чуть приоткрыла оконную раму и тревожно вслушивалась, пытаясь уловить возможный разговор. Невозмутимо повёл себя только Валентин Владимирович; он лишь отодвинул занавеску и, сразу поняв, кто приехал, снова присел на диван.

Максим Зиновьев был вправе считать себя главным защитником дома, расположенного на глухом отшибе и, разумеется, его жильцов, поскольку был самым молодым и физически крепким мужчиной. Сняв с вешалки куртку, он собирался выйти во двор, а в материнском сердце Светланы Александровны появилось необъяснимое, но явное предчувствие беды.

– Максим, не ходи. Остайся дома, – попросила она.

– Не волнуйся ты так, – постарался он её успокоить, – я только узнаю, по чью душу приехали эти фараоны и вернусь.

– Останься, – безнадежно потребовала мать, но Максим уже был за дверью.

Выйдя во двор, он заметил у соседнего подъезда бабу Паню, поздоровался с ней, и она, что-то пробурчав, кивнула ему в ответ. Потом Максим наблюдал, как из милицейской машины, безжалостно опираясь на дверь, поднялся подполковник Жмыхов во всём положенном обмундировании и даже фуражку надел на голову. Михаил Анатольевич слишком усиленно маскировал нетрезвость на своём лице под усталость, что Максиму было не сложно догадаться, что милицейский чиновник попросту пьян. Это обстоятельство почему-то позволило Зиновьеву не стесняться в выражениях.

– Клоун, – презрительно окрестил он подполковника вполголоса.

– Чего ты там хочешь сказать? – прищурился на него Жмыхов, явно ничего не расслышав из-за музыки.

– Ни чё, – так же не громко ответил Максим.

Михаил Анатольевич попытался изобразить приветственную улыбку, но получилась только какая-то самодовольная гримаса на его лице. Он постоял немного, разглядывая личность с первого этажа, потом попрощался с водителем и похозяйски громко хлопнул дверью. Музыка тут же ушла со двора в глубину салона автомобиля, но через секунду и там затихла.

– Так что ты говорил? – спросил Жмыхов, с трудом демонстрируя любезность.

Максим не часто позволял себе набрасываться с оскорблениями на людей, но Жмыхов всегда его раздражал, и не только образом жизни, а просто внешним видом, и тут Зиновьев ничего с собой поделаться не мог. Хоть они и сталкивались лицом к лицу очень редко, но каждый раз в Максиме вскипала необузданная неприязнь к этому человеку. А сейчас, когда этот пузатый тип в погонах позволил себе устроить во дворе какой-то балаган, и смотрел на Макса с тупой благодушной физиономией, неприязнь Максимова переросла в настоящую ненависть.

– Я говорил: хорошо хоть без шлюхи заявились. Уже, как-то, прогрессируете в лучшую сторону, – сказал Зиновьев громко и чётко.

Вначале Михаил Анатольевич посчитал, что противный голос прозвучал в его подсознании, а слух при этом был совсем не задействован. Потом он нервно потряс головой, пытаясь встряхнуть свои мысли, но почувствовал, как опускается в какую-то яму. Ухватившись рукой за мигающую световую панель на крыше автомобиля, он попытался остаться в реальности, и вопрос сам вырвался из него, почти инстинктивно:

– Я не понял. Ты что там ляпнул?

В моральном отношении Максим уже занял прочную позицию, и такой босяцкий возглас его не смутил.

– А у вас по темноте со слухом плохо? Поэтому вы с «мигалочками» повсюду мотаетесь? – задавал он свои вопросы. – Или сложный текст современных романсов засорили ваши барабанные перепонки?

В этот момент красно-синие огни прекратили свой стремительный хоровод, и Жмыхов чуть отпрянул от машины. Но это отключение светового сигнала напомнило Михаилу Анатольевичу, что он не одинок в этом гадостно складывающемся положении.

– погоди, не уезжай, – предупредил он водителя, стукнув костяшкой пальца по боковому стеклу, и сделал пару уверенных шагов к наглецу, но вдруг остановился.

Подполковника задержал обыкновенный инстинкт самосохранения; уж больно уверенно держался перед ним этот холёный мерзавец. Так же Михаила Анатольевича остановило отсутствие какого-либо стратегического плана в отношении этого нахала: что Жмыхову предпринять, когда он подойдёт к этому долговязому субъекту вплотную? Но надо заметить, что ещё одно обстоятельство парализовало всякую решительность Михаила Анатольевича, о котором он не забыл; просто, оно опустилось на уровень подсознания. Этим обстоятельством было жуткое уведомление о том, что оказывается его тайные похождения с девочками были здесь всем известны. И эта необдуманная пока им и не расцененная должном образом ужасная новость, так же произвольно сковала Жмыхова.

– Вы хотите задавить меня этим белым «крокодилом»? – усмехнулся Максим и предупредил: – Тогда отойдите подальше, потому что первым под колёса попадёте вы. С вашей-то нарушенной координацией движений.

Такое неслыханное хамство привело Михаила Анатольевича в нужные чувства. Даже если бы он напряг свою память, то вряд ли бы вспомнил, когда к нему обращались с таким издевательством. Ещё большую уверенность Жмыхову придал его мундир старшего офицера, на который он скосил глаза, провёл пальцами по отвороту, потом поднял взгляд полный злобой на мерзавца и прошипел:

– Тебе что, вольная жизнь надоела? Захотелось на нарах поваляться?

И начал грозно, но осторожно, надвигаться на Максима, при этом сдёрнув рукой хлястик с пустой кобуры. Жест подполковника был выразительным и устрашающим, но Зиновьев не испугался.

– Не волнуйтесь вы так. Я не собираюсь занимать ваше место, – почти с сочувствием ответил Макс, проявив завидное внешнее спокойствие, но мышцы его на всякий случай напряглись.

От этих слов рассудок подполковника окончательно помутился. Он на секунду даже потерял своё местоположение в пространстве и не понимал, почему именно сейчас, когда на душе и так хреново, между ним и заветной входной дверью стоит эта наглая мерзость. Жмыхову захотелось одним

ударом уничтожить эту хамскую рожу, и для этого он собрал все свои силы.

Но пока подполковник размахивался, показывая своим массивным телом, что собирается проявить совсем недружеские намерения, Максим успел запустить обе руки в боковые карманы куртки и сделать шаг назад. Пухлый кулак пролетел по тёмному воздуху далеко от лица Макса. Вторая попытка наказать молодого наглеца, Жмыхову так же не удалась. Больше того: на этот раз он не удержался на ногах и, после пустого выброса руки, потеряв равновесие, Михаил Анатольевич припал одним коленом на мокрую траву.

Надо отдать должное, что поднялся он быстро, обтёр об штанину испачканную ладонь, и готов был вновь броситься на пассивного врага, но опять его удержало что-то вроде инстинкта самосохранения. На Михаила Анатольевича накатила тревожная волна, наполненная забытыми детскими переживаниями и волнениями. Тяжело дыша, глядя исподлобья на своего обидчика, он почувствовал себя беспомощным, как когда-то в детстве, когда без взрослых невозможно было избавиться от рычащего пса, который загнал его на дерево. Без вмешательства двух женщин на автобусной остановке, группа подростков отобрала бы у него новенький велосипед, подаренный родителями на день рождения. И ещё Жмыхов вспомнил, как поздним вечером умирал от страха на уже разрушенной тогда машинной станции, поссорившись до этого с отцом, и как спасительницу принял мать, ко-

торая пришла его искать.

В любой жизненной ситуации, как правило, спасительная соломинка всегда отыщется. Вот и на этот раз она появилась, да и не одна. Сначала щёлкнула автомобильная дверь, отстегнулась, и к месту разборки вышел водитель, которого звали Сергеем, а после, из окна второго этажа раздался пронзительный с отчаянной и умоляющей интонацией голос Милы Алексеевны:

– Прекратите! Что вы делаете?!

– Товарищ милиционер, уймите вашего шефа, – совсем не разряжая обстановку, а больше продолжая издеваться, обратился Максим к водителю.

Оказавшись в такой неприятной ситуации, заметно растерянный Сергей подошёл к Жмыхову и успокаивающе придержал того за плечи. Подполковник тут же вывернулся от такого панибратского захвата и громко приказал:

– Старшина, вызывай наряд! Будем оформлять как нападение на представителя власти при исполнении и попытка завладения табельного оружия.

– Михаил Анатольевич, может не надо. Обычная «бытовуха» всё-таки, – попытался уговорить водитель своего начальника, чтобы тот не доходил до крайности.

– Серёжа! Делай, что тебе говорят! – повторно выкрикнул Жмыхов с уверенностью и даже радостно, что подчёркивало внезапность и идеальность принятого Михаилом Анатольевичем решения. И ещё он добавил: – Ты у меня, вообще,

главным свидетелем пойдёшь.

Старшина постоял немного, надеясь, что начальник блефует и вот-вот объявит своё решение розыгрышем, но, взглянув в озлобленные и одновременно обезумевшие от радости глаза Жмыхова, склонил голову и нехотя пошёл к машине выполнять приказ.

В этот момент из подъезда пыталась выскочить Мила Добротова, но прямо у входной двери её остановила Светлана Александровна, которая тайком наблюдала за конфликтом с самого начала.

– Не вмешивайся, – шёпотом попросила она, удерживая соседку за руку.

– Но они уже драться начали, – так же шёпотом сообщила Мила.

– А ты что, на рефери обучалась? – остудила её Зиновьева своим вопросом, и они молча остались ожидать развязки из-за чуть приоткрытой двери.

Максим догадывался, что над ним нависает угроза, но показывать даже толику беспокойства, тем более перед этим потным, пьяным подполковником, ему сейчас очень не хотелось.

– Ах, как обидно. Арестовать меня в одиночку у вас, видимо, кишка слишком толстая, – издевательски предположил он и продолжал насмехаться: – Ну, что же, я вас понимаю. Вам остаётся только использовать своё служебное благородство.

– Вот поганец, – тихо выругалась в дверях Светлана Александровна.

– Запомни щенок, ты ещё не раз пожалеешь, что вышел в этот вечер из дома. Я сделаю так, что ты вряд ли в него вернёшься. Я тебя в порошок сотру, – с хрипом грозился Михаил Анатольевич и про себя подумал, когда упомянул о «порошке»: – «А может этой сволочи вдобавок ещё и наркотики подбросить, чтобы срок был в районе «двадцатки»?». Он даже потянулся рукой в карман за телефоном, чтобы кому надо дать указание, но передумал. Посчитал, что и так достаточно, а банальная грязная «наркота» в этом деле может кого-то навести на ненужные сомнения и размышления.

– Вы остыньте и постарайтесь превратить себя в человека, – спокойно попросил Максим и, не дожидаясь реакции подполковника, пошёл к подъезду.

Жмыхов проскрипел зубами, провожая его уход взглядом, в котором не скрывалось предвкушение мести, и громко распорядился, обернувшись к машине:

– Дождёшься группу здесь, никуда не уезжай.

Но заходить в подъезд Михаил Анатольевич не спешил, дожидаясь, когда этот молодой тип с первого этажа наверняка зайдёт в свою квартиру. На глаза Жмыхову попалась неухоженная мрачная старушенция, и он прикрикнул на неё:

– Чего встала? Иди, вари свои щи.

– Из такой свиньи, как ты... Да, с удовольствием бы, – тихо пробормотала баба Паня, чтобы тот не услышал, и оста-

лась стоять у своего подъезда.

Баба Паня от начала до конца была молчаливым свидетелем этой свары и слышала каждое слово. Надо сказать, что она брезгливо и с неприязнью относилась к людям в милицейской форме, потому что однажды ей пришлось с ними столкнуться напрямую, после смерти сына. Никто из них тогда толком ничего не объяснил ей об обстоятельствах смерти её мальчика, а один капитан даже грубо отпихнул её и наговорил много гадких слов. Так что, мнение об этих органах власти у бабы Пани сложилось твёрдое, и она больше не хотела иметь с представителями этих органов никаких контактов. Один раз даже участкового за порог не впустила; ответила на его вопросы через дверь и пожелала тому сменить работу. А сейчас старушка очень сильно переживала за Максима. Она подумала, что зря он так бойко схлестнулся с этим форменным развратником. «Ведь все возможности есть у этого упыря, чтобы кого угодно наказать, – размышляла она. – Но как же здорово Максимка выставил его дураком. Красиво, чёрт побери!», – восхитилась в душе баба Паня и тут же принялась просить у Господа прощение за «чертыхание».

Маргарита Николаевна отошла от окна и включила на кухне свет. Она не могла ничего слышать, поскольку не открывала даже маленькой форточки, но сцена во дворе её немного тронула. Милицейская машина. Какие-то мужчины чуть не подрались. Она не ожидала, что в этом доме могут вспыхивать такие безобразные страсти.

Светлана Александровна заметила, что сын возвращается в подъезд, и повела Милу на площадку к своей квартире, где Максим к ним и примкнул.

– Максим, чего он от тебя хочет? – с волнением обратилась Добротова.

– А что хочет от нас всех власть имущая, тётъ Мил? – отвечал он бодро, но с нескрываемым раздражением. – Она желает, чтобы мы были глухонемыми и, желательно ещё, незрячими. Вы разве не видите, как мы им мешаем править государством.

– Зачем ты это сделал? – тихим голосом спросила мать, когда он немного успокоился.

– Не знаю, мам, – пожал плечами Макс, – но такого беспредела не должно быть рядом с простыми людьми.

– Ну, а чего ты добился, унизив этого полковника? – продолжала она расспрашивать так же негромко и невозмутимо.

– Мам, не повышай это г...о в звании. Хотя, если бы он был и генералом, я поступил бы точно так же. А кто ещё посмеет напомнить этой зажавшейся морде, что в обществе, как ни странно, существуют нормы приличия и уважения?

– Вот ты и посмел, – вздохнула расстроенная Светлана Александровна и прибавила: – Посмотрим, что теперь будет.

Михаил Анатольевич предположил, что обречённый хам уже скрылся в своей квартире, поэтому очень удивился и даже напугался, когда, войдя в подъезд, увидел перед собой целую компанию. Кряхтением и какими-то невнятными же-

стами, он дал понять, что ему необходимо пройти. А когда его пропустили, и он поднялся по лестнице на свой этаж, то он тут же, всем оставшимся внизу, выдал предупреждение:

– И не вздумайте прямо сейчас отправить этого..., почти уже зека, в бега. Дороже встанет.

Максим хотел пошутить насчёт того: «у кого – что встанет», но сдержался при женщинах, и к тому же почувствовал какой-то горелый запах.

– Это опалённый хвост беса так пахнет, или дом горит? – спросил он, демонстративно пригнувшись.

– О, боже! Мясо сгорело! – вскричала Мила Алексеевна и бросилась по лестнице наверх к себе, но в пролёте между этажами задержалась, дожидаясь, когда подымится грозный заезжий сосед.

Жмыхов проводил усталым взглядом странную дамочку, немного повозился с ключом, открыл дверь своей квартиры и, не по привычке, как это всегда происходило, а с яростным желанием бросился к холодильнику и достал початую бутылку водки. Не утруждая себя поиском стакана, он прямо из горла сделал несколько больших глотков, прошёл с бутылкой в комнату и плюхнулся спиной на застеленную кровать.

Подобного сумасшедшего, тяжёлого, отвратительного и даже омерзительного вечера Михаил Анатольевич не смог припомнить в своей солидной, размеренной и укомплектованной по всем параметрам жизни.

– Но ничего, ничего, через несколько минут всё будет кон-

чено, – смотрел он в потолок и рассуждал вслух. – Эти черви по достоинству оценят, на что я способен, и увидят мой триумф. И этот главный червяк сойдёт передо мной, и будет молить о пощаде. Вот, сволочь. Как только земля таких держит? Такой грязи навалить на заслуженного человека, ... даже мундира не постеснялся. Да этот гадёныш и грамма не сделал из того, что сделал я для общества. Но я тебе устрою.... Нет, такого прощать нельзя.

Вслед за этими словами Михаил Анатольевич приподнялся и сделал ещё один мощный глоток из бутылки.

В эту минуту в соседнем подъезде, Валентин Егоров уже почти отпустил от себя воспоминания и ностальгическое настроение и, как мы уже знаем, он переключил своё внимание на телевизионную спортивную трансляцию. Подъехавшая минутами ранее милицейская машина не вызвала у Валентина Владимировича особого удивления и интереса. Он догадывался, что появился Жмыхов; ну и пусть, что непривычным для себя способом: с мигалками и прямо к дому. Почему-то Егоров предполагал, что когда-нибудь этот подполковник именно так и должен был заявиться, чтобы доказать всем, что он выше того, чем о нём могут думать. Единственное, что настораживало Валентина, это то, что машина до сих пор ещё стояла во дворе. Он подумал: а почему бы ему не прогуляться до соседнего подъезда и не зайти поздороваться с Максимом. Тайно Валентин Владимирович надеялся и на случайную встречу с Милой Добротовой, к которой

он всегда испытывал симпатию, а в последнее время эта симпатия переросла в нечто большее и волнующее. Егоров искусственно пытался внутри себя сдерживать чувства к этой женщине, чтобы, не дай бог, они не разбушевались и не стали кому-то заметны, потому что Мила была замужем за Петром, и это обстоятельство являлось для Валентина больше, чем табу. Каждый раз, когда случайно появлялась лёгкая поверхностная мысль о Миле, Валентин клеймил её неприличным искушением и старался отмахнуться от неё, как назойливой мухи. А глобально размышлять об этой женщине, он себе не позволял, поскольку познал все мучительные приложенные правила своего одиночества и не желал бы такой участи даже врагу, не говоря уже о соседе.

Вот и сейчас, спускаясь по скрипучей лестнице, Валентин заставил свои мысли работать в другом направлении. «Макс наверняка уже что-то узнал, почему подполковник появился столь нетрадиционным способом, – проговаривал про себя Егоров, – и зачем припарковал свою машину так небрежно: почти под бельём, которое ещё засветло развесила Мила... Вот, чёрт!», – опять остановил он себя.

Внизу, на первом этаже простонала дверь, и Валентин приветствовал поклоном головы бабу Паню, которая вышла, как это часто случалось, на его шаги. Она быстренько в своих красках рассказала, что случилось во дворе. Он поблагодарил её за сведения, так же кивая головой, тяжело вздохнул, и задумчивый вышел из подъезда. Не спеша, Валентин

Владимирович вышагивал к первому подъезду, не отрывая взгляда от светлого специализированного автомобиля, за лобовым стеклом которого бледным пятном проглядывалось лицо водителя. Валентин дошёл до нужной двери и, уже было хотел открыть её, схватился за ржавую ручку, но услышал неприятный звук: – вдалеке противно завывала сирена, обдавая его сердце колючей тревогой. Он так и не вошёл в подъезд, а с болезненным страданием на лице дожидался предсказуемых гостей, с отвращением слушая нарастающий вой. И вскоре во двор влетел черный микроавтобус и резко затормозил. Из салона высыпались, как картофелины из равного мешка, четверо вояк в тёмной форме с автоматами и, не обращая внимания на Валентина, вбежали в подъезд. Из белого автомобиля вышел старшина Сергей и, заметно нервничая, потому что заламывал пальцы, направился к Егорову. В подъезде послышалась какая-то возня, но без возгласов и криков.

– Жмыхов пьяный что ли? – обречённо спросил Валентин, когда водитель подошёл к нему.

– Был бы трезвый, этого бы не было, – с сожалением ответил старшина.

– Можно «разрулить» эту ситуацию, как думаешь?

Сергей покачал головой и сказал:

– Даже не знаю. Бред какой-то. Он злой, как чёрт.

– А что это означает: «разрулить»? – раздался голос в притворно сладенькой интонации со стороны микроавтобуса.

Мужчины не заметили, как с переднего пассажирского места вышел человек в штатском костюме и, прислонившись боком о тупой нос микроавтобуса, заложив руки на груди, оценивающе смотрел на них.

– Я имел в виду: разобраться по-человечески, – ответил ему Валентин без всякой надежды.

– Так мы и разберёмся, дорогой сочувствующий товарищ, – с едким уверением пообещал ему загадочный гражданин.

Послышался топот, и двое бойцов выбежали из подъезда, заняли позиции по разные стороны двери, а другая пара захватчиков вывела во двор Максима Зиновьева, руки которого уже были за спиной и застёгнуты в наручники. Валентин Егоров для себя отметил, что спецназовцы работали слишком уж чинно и слаженно; видимо, ребята скучали по настоящим операциям, а сейчас просто показательно отрабатывали свои навыки.

Почти сразу же во двор вышел Михаил Анатольевич Жмыхов. Китель на нём был расстегнут, вместо ботинок на ногах были уже домашние шлёпанцы, а в глазах блуждала пьяная сонливость.

– Ну-ка, постойте, мужики, – приказал он автоматчикам вялым голосом. – Дайте мне попрощаться с этим террористом.

Группа в тёмных камуфляжных формах остановилась у микроавтобуса, и те двое, что придерживали Максима за

плечи, развернули задержанного и подвели его к подполковнику. Михаил Анатольевич с очень неприятной улыбочкой, в которой выразалось всё его хищное торжество, разглядывал непроницаемое лицо арестованного. Потом он мельком взглянул на подъездную дверь и, убедившись, что пожилая мамаша ещё не вышла, всадил свой кулак под рёбра Максиму. Тот, не издав ни звука, слегка обвис на руках у спецназовцев, но очень быстро пришёл в себя, снова выпрямился и одарил Жмыхова улыбкой, которая больше напоминала сочувствующую усмешку.

Валентин Егоров непроизвольно сжал правую руку в кулак и до боли прикусил свою нижнюю губу. Валентин Владимирович понимал, что в такой ситуации он не имел права молчать, а потому шагнул к Жмыхову и заявил:

– Михаил Анатольевич, вы поступили сейчас очень подленько.

Жмыхов с демонстративной неохотой повернулся к нему, как бы показывая, что привлечённое внимание подполковника – это не больше, чем снисхождение, и спросил:

– Хочешь вместе с ним отправиться, как сообщник?

– Охотно. Но лучше вместо него, – ответил Валентин, и заслужил от Максима благодарный взгляд полный дружеского признания.

Только теперь из подъезда вышла Светлана Александровна в сопровождении Милы Добротовой. Обе женщины не выглядели взволнованными или какими-то расстроенными,

а Зиновьева и вовсе держала королевскую осанку. Они не стали никуда проходить дальше и встали возле двери под фонарём, словно преграждая путь в подъезд.

– Гражданочки, ну что вы как на распродажу тут выстроились. Пройдите в свои квартиры, – выступил мужчина в штатском костюме, который до этого записывал что-то в чёрную папку. – Мы здесь работаем, а не концертом вас развлекаем. Вас, гражданин это тоже касается, – обратился он к Егорову, а потом прикрикнул в сторону тёмной беседки: – И вы бабушка пройдите в дом. Поздно уже, не дай бог, затеряетесь.

– О себе побеспокойся, – еле слышно донеслось из темноты, где баба Паня с глубоким возмущением наблюдала за этим беспределом.

– Ну, чего встали? – прикрикнул человек с папкой теперь на бойцов. – Грузите уже этого, от греха подальше.

Максима заволокли в чёрную машину, а распорядитель в штатском подошёл к Жмыхову и спросил:

– Вы за нами в город, Михаил Анатольевич?

– Да, ты что? В таком виде? – даже напугался от такой мысли Жмыхов. – Я здесь до утра останусь. Ах, да. Машину надо отпустить, – вспомнил он про старшину, но обратился опять к мужчине с папкой: – Ты с Серёжи показания сними, а я утречком приеду в управление и всё подробненько изложу на бумаге, как всё было. Но в общих чертах, я надеюсь, ты понял, что произошло. Нападение на старшего офи-

цера милиции, причём, находящего... шегося при форме, – с трудом выговорил Михаил Анатольевич, посмотрел на свои шлёпанцы и оживлённо напомнил: – И про оружие не забудь.

– Да, понял я, – с болезненной ужимкой на лице ответил тот, сунул папку подмышку и сказал: – Поеду я, а то эти тётки своими глазищами на мне уже дыры прожигают. Протокол задержания составлю у себя, а заодно и Серёжу вашего расспрошу. А с вас завтра заявление.

Они ударили по рукам, и человек в штатском отправился в чёрный микроавтобус, а Михаил Анатольевич торопливыми жестами дал понять своему водителю, чтобы тот сел в машину и ехал за спецгруппой.

Старшина Сергей нехотя отходил от Валентина Егорова и тихо через плечо сказал ему:

– Вы только глупостей здесь не наделайте.

Машины одна за другой покинули двор, но никто из оставшихся людей не спешил расходиться, за исключением, разумеется, Михаила Анатольевича. Наглого агрессора увезли в наручниках, и Жмыхов чувствовал себя теперь в безопасности. Доходягу соседа со второго подъезда он не боялся, а тёток и подавно, но стоять здесь с ними и выслушивать их сопливые упрёки в свой адрес он не собирался. И подполковник даже задался вопросом: «А чего они такие тихие? – но тут же сам и снял этот вопрос с повестки: – А, ну, их, к чертям собачьим. Пойду я лучше приму дозу на сон грядущий».

И втянув (как это только было возможно) в себя живот, он направился в свой подъезд.

– Пойдите полковник, – остановила его ледяным голосом Светлана Александровна.

От такого тона Жмыхов послушно остановился перед ней, но, быстро напомнив себе, кто он такой, наполнил себя высокомерием и приготовился слушать, как эта старуха будет доказывать его неправоту, чтобы защитить своего сынка, которому уже никто не поможет. Михаил Анатольевич даже решил, что сам ей сейчас расскажет, как надо воспитывать детей, чтобы они не становились такими мерзавцами, и уже было придумал с чего начать, но осёкся, встретившись с её взглядом. Глаза Зиновьевой выразительно излучали холодное признание, от которого Жмыхову стало немного не по себе, и он даже ощутил болезненное жжение в висках.

– Я рассчитываю, что с протрезвлением к вам вернётся разум, и вы немедленно исправите свою гнусную глупость, а я постараюсь забыть эту вашу позорную тупую выходку, – заговорила она тем же морозным голосом. – И запомните, что, если с Максимом что-то случится, я буду вырывать из вас куски мяса, пока вы не сдохните. Это не пустая угроза, и отнеситесь к моим словам серьёзно, потому что их произнесла мать, которая сейчас пребывает почти в бешенстве.

Не желая дальше испытывать себя её колючим взглядом, Михаил Анатольевич отвёл глаза в сторону, и неожиданно к нему пришла занятная мысль, которая даже вернула ему

самообладание.

– А я-то дурак рассчитывал услышать от вас что-то разумное, – выдал он с завышенным сожалением, протиснулся между двумя женщинами к двери и, заходя в подъезд, прибавил: – Надеюсь, про угрозу все слышали.

Светлана Александровна смотрела на закрывшуюся дверь тем же пронзительным взглядом и ослабила накал в глазах, только когда ней обратился Валентин Владимирович.

– Я завтра перед работой попробую узнать, куда его повезли, и как нам посоветуют действовать дальше, – пообещал он Зиновьевой, придавая своему голосу, уверенность и спокойствие. – У меня есть один знакомый в «органах».

– Спасибо Валя, – устало поблагодарила она и закрыла глаза, готовая расплакаться, но мужественно удержала себя от этой слабости.

– Слава Богу, хоть этот упырь здесь остался, – заявила, незаметно подошедшая к ним, баба Паня, кивнула на освещённые два окна второго этажа и пояснила: – А то ведь, если бы поехал со всеми, то точно бы ещё больше нагадил там.

– Ладно, давайте расходиться, – невзрачным уже и потухшим голосом призвала соседей Светлана Александровна, – всё равно ничего здесь не выстоим.

– А давайте, я у вас посижу, – оживлённо предложила ей Мила, обнимая несчастную мать за плечи. – Чайку попьём. После такого всё равно не уснуть. Поверьте, всё будет хорошо. Времена теперь другие и за слова сейчас не сажают.

– Да, причём тут слова, Милочка, – взмолилась Светлана Александровна. – Это же власть, а она во все времена отличалась самодурством. Они не слова, они действия ему припишут, которых он не совершал. С подачи одного идиота другой принимает эту игру, входит в азарт, и попробуй, останови это бездушное безумие.

– Это точно. У них там рука руку моет, – недовольно причмокивая губами, вставила баба Паня, – Вы видели, он хоть и вдрызг пьяный, а вон как шустро нашёптывал своему архаровцу, что делать надо. Эх, заколотить бы его там досками, на этом втором этаже на веки вечные.

Потрясая в воздухе кулачком, она гневно посмотрела вверх на жмыховские окна и заметила, как в соседнем тёмном окне отпрянула от стекла и скрылась Маргарита Потёмкинакакаметила в соседнем тёмном ить. мает эту игру и входит в азарт, да так, и, заходя в подъезд, прибавил: – Надеюсь, про угрозу.

– Да, не тебя я заколачивать собираюсь, – вырвался у бабы Пани возглас похожий на извинение, и все догадались, в чей адрес это прозвучало.

Мила продолжала поглаживать плечи Светланы Александровны и напевным голосом, полным надежды сказала:

– Дорогая, мы же все здесь свидетели в защиту Максима. Правда?! – обратилась она к бабе Пане, потом перевела взгляд на Валентина и тот в небольшом смущении ответил:

– За Макса я даже президенту писать буду. Тем более, я

за него голосовал. Мы найдём справедливость.

– Только не юному правителю пиши, а тому, что передышку взял, – посоветовала баба Паня.

– Спасибо вам всем за поддержку, – поблагодарила соседей Зиновьева. – Ведь, действительно, только на вас вся моя надежда.

Вчетвером они прошли в квартиру номер один и расположились в комнате, где без звука продолжал работать телевизор и горел тусклый свет ночника. Мила Алексеевна заварила по своему особому рецепту вкусный чай, и они пили его прикуску с сушками и печеньем.

Если бы не тяжёлый с ноющей болью осадок, который остался в душе у каждого от возмутительного ареста Максима, такие соседские посиделки, наверное, можно было бы сравнить с какой-нибудь мифической ярмаркой душевности. Атмосфера в комнате была особенной. Даже без глотка чая по всему организму расплывалось тепло, которое не измерялось температурой, а оно просто являлось какой-то необходимостью, без которой, казалось, человеку трудно себя ощущать существом живым и полноценным. Не обессудьте, но мне не хочется утомлять вас, дорогой читатель, простыми диалогами и тихими фразами этой беседы; в целом, их легко можно себе представить. Расскажу об этом сжато и повествовательно.

Вначале, Светлана Александровна хвалила Милу, за её золотые руки, и отзывчивый нежный характер, который её муж

никак не ценит. Валентину было очень приятно это слушать, но он сдерживал в себе волнение, когда застенчиво украдкой поглядывал на Милу, и тайно благодарил ночной светильник за спиной, скрывающий выражение его лица. Повышенное волнение было оттого, что Егоров не мог припомнить подобной обстановки (а надо сказать, что таковой и не было), когда он мог спокойно разглядывать Милу, не опасаясь, встретится взглядом с её грубым Петром. И сейчас Валентин наслаждался её нежными чертами лица, плавными руками и мелодичным голосом, в моменты, когда Мила пыталась возражать и отбиваться от завышенной похвалы Светланы Александровны.

Потом за столом в ход пошли рассказы с короткими добавлениями и комментариями. Припоминали подростковые дворовые шалости Максима и сыновей Милы. Все старались, чтобы беседа ни в коем случае не скатывалась в какую-то обречённость, и преждевременно оплакивать неизвестную участь Максима никто не собирался. Молодцом держалась и сама Светлана Александровна; с её уст слетали такие фразы, как: «Завтра вернётся, мы у него и спросим» или «Поверьте, он и сейчас на такое способен».

Валентин Владимирович по просьбе женщин рассказал, где и как живёт его дочь, и какой озорной прелестью растёт внучка. Баба Паня упрекнула соседа сверху, что тот не устроил свадьбу дочери здесь, и благодаря её этому недовольству все принялись вспоминать последнее свадебное гуляние, ко-

торое происходило в этом доме больше пятнадцати лет назад. Мила Алексеевна, как бы взглядом благодарила Валентина за то, что тот взял удар на себя, потому что никто не вспомнил про её сыновей, которые устраивали свои свадьбы так же не здесь, а в городе. И она с охотой делилась подробностями того празднования весёлой пары молодожёнов из девятой квартиры, когда во дворе не хватало места всем гостям, и она носила самогон и закуски компании мужчин, которая расположилась за угол дома.

Баба Паня, в свою очередь заявила, что свадьба Максима должна обязательно пройти здесь и как-то незаметно перешла к давней истории про собаку. Валентин и Светлана Александровна с трудом вспомнили того рыжего лохматого пса с вечно грустными глазами, а Мила так и вовсе его не застала, поскольку вселилась в этот дом намного позже. Как оказалось из рассказа бабы Пани, её сын – Иван подобрал этого пса ещё щенком у самой трассы в начале грунтовой дороги, когда возвращался из училища, и принёс это чудо домой. А через восемь лет, пёс бесследно исчез; аккуратно на следующий день после Ваниных похорон.

Далеко за полночь они решили, что пора расходиться. Соседи пожелали Светлане Александровне спокойной ночи, и скорейшего доброго сна. Баба Паня, охая и держась за поясницу (больше, показывая всем, как она устала, чем реально страдала от недомогания), пошла к себе, а Валентин проводил Милу на второй этаж, опасаясь, что она по чудовищной

случайности может столкнуться со Жмыховым. Но, разумеется, никакого Михаила Анатольевича там не было, и Мила Алексеевна, поблагодарила Егорова за его участие в этом вечере в целом и за галантность, которую он проявил только что.

Когда дверь за ней бесшумно закрылась, Валентин прислонил ухо к двери восьмой квартиры и расслышал тяжёлый храп, похожий на рычание бульдозера, который пытается въехать на гору. Почему-то именно сейчас, пока он прибывал на высоком душевном подъёме, ему хотелось разбудить подполковника и объяснить, какую нелепую оплошность тот совершил. Егорову казалось, что он легко может доказать Жмыхову какой Макс прекрасный парень и что Максим, по своей молодости, очень быстро забудет про этот неприятный инцидент, и что Михаилу Анатольевичу следует отменить свои легкомысленные распоряжения. «Но, что поделаешь с этим душевным порывом? – размышлял возле железной двери Валентин Владимирович, – Разум, наделённый практичностью, словно каким-то жизненным иммунитетом не даст чувствам вырваться наружу. И правильно делает, что не даёт. Ничего из этого не выйдет. А жаль».

В таком состоянии: по-доброму насмехаясь над своим душевным рвением и жалея его, он спустился вниз и пошёл в свой подъезд.

Что касаясь дальнейшей обстановки, сложившейся возле старого дома в эту ночь, то следует добавить, что через три

часа, когда его окна давно погасли, и оставался только тусклый свет от немого телевизора в комнате Светланы Александровны, к углу дома подъехала машина. Пожилая женщина накинула на белый пеньюар махровый халат и, забыв у кровати опорную палку, с надеждой поспешила во двор. Но уже на выходе из подъезда Зиновьева услышала скрипучий пьяненький голос Петра Добротова, который бурно благодарил и прощался с таксистом-коллегой, доставившим его домой. Разочарованная Светлана Зиновьева с грустью вернулась в свою комнату. Других движений в доме и возле него до утра не было. Разве что, непонятная сизая в темноте дымка ползла медленно от бывших огородных участков и уже метровыми сугробами накрывала развалины машинной станции.

Перенесёмся пока в город, где не понятно: в поздний или уже ранний час, в каком-то заведении органов внутренних дел, в камере на голых обшарканных досках сидел Максим Зиновьев. Он пребывал в казённом мрачном помещении один и, как и его мать, так же этой ночью не спал. Макс несколько не сожалел о совершённом им поступке. Повторись такая ситуация, он, всё равно бы, вышел во двор и дошёл бы зажавшегося властью подполковника до бешенства. Раскаяние Максима было в другом: он волновался только за мать, зная, что она сейчас не спит, переживает за него, и он винил себя за то, что, не задумываясь, променял её здоровье на важное дело, завещанное ещё далёким Робинотом Гудом.

Конечно, мать сейчас считает, что сын совершил очередную глупость, и эта несдержанность кроме страданий ничего им обоим не принесёт. Что бы заглушить в себе тревогу, Максим призвал на помощь иронию, но даже с ней понимал, что после его, так сказать, подвига, мир, безусловно, изменится, но он окрасится не в радужные цвета и, к сожалению, поменяется не для Жмыхова и ему подобных, а для него с мамой. «Как там она сейчас?», – тянулся он к ней всей душой, и с удивлением засвидетельствовал, как в груди у него учащённо забилося сердце, которое, по словам матери, упорно не хотело взростеть. Он чувствовал, как его сердце вместе с переживанием о ней отбивало и браваду, которой он хотел поделиться с матерью, как бы в знак своего оправдания и, прося у неё прощения. «Если бы ты видела, мам, эту растерянную, пьяную, глупую и злую физиономию, – говорил он мысленно ей. – Неужели, это и есть его истинное лицо? Но как с таким лицом можно жить? Как, вообще, этот «пирожок» живёт с такой начинкой? В этих свинячьих глазах я заметил страх, мам. Да, именно, страх, который только и способен поставить эту гнилую братию в рамки приличия. За кусочек этого страха стоило воевать. Ты прости меня. Я не знаю, что будет дальше. Суд? Колония? Я-то вынесу эти испытания, но вот ты. ... Прости. Самое ужасное будет в этих годах разлуки – это вопрос: «За что?!». Злопыхателю Жмыхову, имеющему власть, не составит труда сострять обвинение, пусть даже самое абсурдное, и пропихнуть его в

исполнение, через таких же растопыренных, накормленных сладенькой жизнью собратьев. Обидно? Да, обидно. Грустно думать, что справедливость придёт, но не в этой жизни. Долго терпеть приходится. И слабо утешает, что за многие века простой и благородный люд привык к этому терпению и унижению, ... и не только в России. А я сейчас обречённо отнесён, как раз, к этому большинству. Ряды достойные, мам, но от плеча до плеча не один кулак просунуть можно. Как же невыносимо больно и противно, сносить расправу от глупцов и трусов! (при этом Максим чуть ли не застонал вслух). Тут бы и появиться, той самой, благородной ярости. Но в одиночку, как?! Она будет походить на обычное буйное помешательство. А кто вступится? Ты, матушка? Владимирович? Да, может быть, ещё два, три посторонних человека. И, что тогда? Трепещи устоявшаяся веками, и даже модернизированная уже хамская незаконная опричнина? Смешно и грустно. Крохотный бунт – это малая кровь, и кровь эта будет только наша с тобой, мам. Мы созданы по той же формуле, как и все маленькие благородные люди; мы не желаем, чтобы за нас заступался весь порядочный мир, потому что, это уже получится настоящая война. Эх, куда меня понесло, – встряхнулся Максим и горестно рассуждал дальше: – А на что нам остаётся надеяться в таком случае? На случайное благоприятное стечение обстоятельств в пользу такого несдержанного глупца, как я? Или, всё-таки, на торжество здравого смысла, которое внезапно проснётся по утру вме-

сте с похмельем у этой сволочи – Жмыхова? А стоит ли мне тогда принимать это свинское великодушие? Да, не в жизнь! Если представится возможность, плюну ему напоследок в харю и навсегда забуду о таком детском понятии, как чудо», – подвёл черту своим размышлениям Максим Зиновьев, и не знал, что через несколько минут, такое «чудо» придёт к нему в лице майора Захарова.

Алексей Аркадьевич Захаров был из контролирующих структур и, под утро он приехал к задержанному с проверкой, на которую его вовремя подтолкнул «сигнал» от завербованного лица. Дело в том, что один из четырёх бойцов группы захвата был тайным осведомителем майора по вопросам внутренней безопасности. Все мы знаем, что подобная практика, для удобства решения многих задач, существует не только во властных структурах, но и на обычных предприятиях, а в нашем случае, данное «служебное стукачество» хорошими последствиями отразилось для Максима Зиновьева.

Когда Максима завели в кабинет, майор сидел не за столом, а на кушетке возле стены и изучал рапорт, составленный знакомым ему неким капитаном Беспаловым Н.И. Оторвавшись от бумаги, Алексей Аркадьевич оглядел приведённого ему гражданина и рукой указал тому на одинокий стул в центре комнаты.

Максим присел, сложил ладони между коленей и внимательно стал наблюдать за работой майора.

– При исполнении..., – усмехнулся Захаров, глядя в паспорт, – да ещё табельное оружие.... Вы его успели потрогать? – Неожиданно спросил майор, оторвавшись от листа, и остро взглянул на арестованного.

– Кого? Подполковника? Даже мизинцем его не касался, – с невозмутимым откровением признался Максим.

– Ценю ваше самообладание и чувство юмора, молодой человек, – заулыбался Захаров и представился: – Я – майор Захаров Алексей Аркадьевич. А вас, я так понимаю, зовут... Максим Геннадьевич Зиновьев, – сверился он, раскрыв в руке паспорт.

– Так точно, – на военный манер подтвердил Макс.

– Но всё же, ответьте мне про пистолет, – настаивал майор.

– В глаза не видел, – коротко и искренне ответил задержанный.

– Разумеется, – задумчиво произнёс майор, достал из папки другой документ и, вчитываясь в него, продолжал допрос: – Вы до этого были знакомы с подполковником Жмыховым Михаилом Анатольевичем?

– Конечно, – ответил Максим не раздумывая, – он мой блуждающий сосед сверху.

– В каком смысле? – поднял на него глаза майор.

– В нашем доме не живёт, – принялся пояснять Макс, – а приезжает, когда ему вздумается. Там квартирка на втором этаже от матушки – Алёны Григорьевны ему досталась. Вот

сегодня с мигалками он заявился. Дискотекой нас, отсталых, побаловал.

– А вас там много «отсталых» было на этих танцульках? – прищурившись, спросил Захаров.

– Да почти все соседи и вышли, – сдвинув брови, вспоминал Зиновьев и тут же поправился: – А, Владимирович вышел только когда меня уже забирали. И ещё эта..., госпожа Потёмкина так и не вышла, но в окне я её заметил.

Майор поднёс листок поближе к своему лицу и, как будто у самой бумаги, спрашивал с усмешкой:

– Кто-кто свидетель? А где же остальные?

Потом взглянул на Максима и задал вопрос уже конкретно ему: – Старшина Павленко Сергей Викторович, часто посещал ваш дом вместе с подполковником Жмыховым?

– Вы, наверное, имеете в виду водителя? – уточнил Максим и, покачивая головой, ответил: – Нет, я бы заметил. Нас там так мало, что я даже по шуршанию и писку узнаю, какая из мышей бежит по лестнице.

Алексей Аркадьевич более внимательно посмотрел на Максима и небрежно поинтересовался:

– Не могу понять: ты так ершишься, или таким образом пытаешься скрыть своё волнение?

– Наверное, и то и другое, гражданин майор. Я же не знаю, какую цель вы преследуете этим допросом, – изъяснился Зиновьев, чувствуя, что и в самом деле волнуется.

– Это не совсем допрос, – спокойным голосом успокаивал

его майор, – считай, наш разговор пока дружеской беседой. Если, конечно, у тебя и впрямь не было намерения завладеть оружием, – посмотрел он на арестанта опять остро.

Максим поднял руку, почесал подбородок, потом щёку и признался:

– Скажу вам честно: если бы он на меня направил пистолет, то, скорее всего, я бы завладел оружием. Но пистолета в его руке не было.

– Слава Богу, что не было. И это очень хорошо, – в задумчивости, словно пропел Захаров, и задал новый вопрос: – А старшина Павленко, как себя повёл, когда вы выясняли свои отношения со Жмыховым?

– Умеренно и вполне благородно. Даже пытался усмирить подполковника, но тот его отпихнул, – с симпатией к водителю отрапортовал Максим.

Майор отбросил на кушетку бумагу, встал, потянулся, разминая руками поясницу и, с глубоким выдохом в потолок, произнёс:

– Ой, дурак. До пенсии всего ничего осталось, а такие кренделя выписывает.

Пройдя мимо Максима к окну, Алексей Аркадьевич некоторое время наблюдал за бледнеющим фонарным светом на листве дерева, за наплывающей справа по небу розовой зарницей, а потом, повернулся к Максиму, сунул руки в карманы брюк, присел одной ногой на подоконник и заговорил:

– Давай-ка, добрый молодец, поступим так: ты мне сейчас

подробно рассказываешь без протокола всё, как было, только без фантазий и этого твоего чувства юмора, а после, я ещё раз подумаю и приму решение.

Максим почувствовал, что для него появляется благополучный исход этого дела, и даже хотел встать со стула в знак благодарности, но Захаров его жестом попросил успокоиться. Тогда Зиновьев сосредоточился и, без затруднения, сдерживая эмоции (как и просил майор), обрисовал приезд Жмыхова, передал свою короткую, но содержательную беседу с ним, описал молниеносный захват и «трогательное» прощание оскорблённого подполковника, посланное Максиму в живот.

Когда Макс закончил рассказывать, для Алексея Захарова картина была предельно ясной, и рассматривать её с другой стороны уже не имело для него никакого смысла, поскольку подполковника Жмыхова он давно успел изучить, и неплохо знал Михаила Анатольевича, именно, с той – другой стороны. Захаров был из той редкой когорты офицеров, которые понимали, что такое офицерская честь и уважали эту честь в себе. Была бы его воля, он бы этого Жмыхова отправил в запас без всяких почестей и пенсии за такую выходку, но история эта вырисовывалась настолько неприятной для всего состава, что раздувать её не следовало бы ни в коем случае, как бы не требовала того офицерская честь. К сожалению, честь – это понятие индивидуальное, личное и другим это понятие не передашь вот так запросто, но служебную и, тем более,

мужскую солидарность никто не отменял, так что, необходимо было замять эту неприглядную чепуху ещё в истоке. «Это происшествие должно непременно раствориться по-тихому; так будет лучше для всех, – заключил для себя Алексей Аркадьевич и задумался: – Но как поделикатнее утихомирить Жмыхова? Таковую вонь не так просто заткнуть, а она даже на уровне кабинетов не нужна». И тут его посетила замечательная мысль. Маленькая деталь, из только что услышанного рассказа, родила эту мысль. Захаров, разумеется, в целом понимал, как замять это дело, а теперь он ещё и знал, как заткнуть навсегда рот Жмыхову.

– Ты сказал: «без шлюхи». А как часто он посещал ваш дом с подобными дамами? – Спросил он с открытым интересом и удовольствием.

– Для его возраста... я думаю, что часто, – решился Максим на иронию, посчитав, что уже можно.

– А ты уверен, что Жмыхов всегда приезжал с проституткой? Ну, может быть всё-таки, это была его дочь или жена? – перестраховывался на всякий случай майор.

Максим совсем уже расслабился и позволил себе лёгкую дерзость. Он посмотрел на Захарова, как на любопытного наивного ребёнка и сказал:

– А кому придёт в голову вести свою жену в знакомую ей стрёмную хату, заставляя её при этом пригибаться под окнами, красться, чтобы ступени не скрипели и, тем более, за полночь? Ну, про дочь у меня никаких фантазий не хватит.

А в общем-то, я и дочь, и жену его знаю. Они раньше не часто, но приезжали в эту квартиру по выходным, – закончил он без сарказма.

Майор Захаров глубоко повздыхал в раздумьях, поглаживая пальцами лоб, и сказал:

– Но ты тоже, мил человек, не из умного разряда. Без какой-либо поддержки, вот так резко, бросаться на подполковника милиции – это, брат, отчаянная глупость. Но от себя замечу, что глупость достойная уважения.

– Не один вы такого мнения, товарищ майор, – заверил его Максим и прибавил печально: – Но согласитесь, что грустная картина вырисовывается: оказывается, чтобы снизу поставить высокопоставленного хама на место, главное, что движет человеком – это отчаяние.

– Ну, ладно, не будем философствовать, – остановил его Алексей Аркадьевич и указал на листок, лежащий на столе, – подпиши там внизу, и пойдём в «дежурку» за твоими вещами.

– А что это? – немного остерегаясь, поинтересовался Зиновьев.

– Подписка о невыезде, – равнодушно ответил майор. – Так, на всякий случай. Пусть пока у меня полежит.

Макс поднялся со стула и расписался в документе, невольно подумав о том, что подписка была выписана заранее. Значит, майор изначально планировал его освобождение. «Нет, всё-таки не перевелись ещё в «органах» разумные люди», –

мысленно отдал он должное Захарову.

Алексей Аркадьевич, вернул Максиму паспорт, собрал бумаги и положил их в чёрную папку.

– Скажи там своим в доме, чтобы не распространялись об этом инциденте, – предупредил он, когда выводил Максима из кабинета. – Здесь я сам разберусь, а ты постарайся больше не общаться со Жмыховым. А в ближайшее время, лучше вообще, на глаза ему не показывайся. Я о тебе беспокоюсь, а не о нём.

Неожиданно освобождённый Зиновьев вышел на безлюдную улицу, когда рассвет уже напелзал на город. Фонари продолжали ещё бесполезно гореть, отчего создавалась впечатление, что они, словно последний ночной батальон, выжались прикрывать отступление ночи и оказывали утру отчаянное сопротивление. Но электрические лампы с каждой секундой безнадёжно начинали проигрывать в этой световой борьбе. Разрозненные вдоль проезжей части они обречённо тлели и, будто бы прощались друг с другом.

Максим зашагал к центральной улице и увидел перед перекрёстком скучающее такси. От радости он замахал руками, и машина, отвечая ему взаимным приветствием, зажгла фары и двинулась навстречу. Услышав адрес, водитель согласился ехать только до поворота на «грунтовку», сославшись на то, что у него якобы нет «запаски». А Максиму это было даже, кстати, потому что он хотел немного прогуляться

после затхло́й камеры и насладится вкусом своего внезапно-го освобождения.

На этом заканчивается та часть истории, в которой ещё можно уловить привычный жизненный пульс и примерить на себя некоторые бытовые ситуации, мой дорогой читатель. В это утро ещё были доступны взору бумаги в чёрной папке майора Захарова, свидетельствующие о стычке Максима Зиновьева и Михаила Анатольевича Жмыхова, но через неделю, Алексей Аркадьевич их уничтожит, даже предварительно не переговорив, как планировал, с виновником этой заварухи.

Вопрос, который я хочу затронуть, следует, вернее всего, отдать на откуп историкам, но мне кажется, что с приходом к человечеству такой богини – как грамотность, преклоняясь перед ней, мы стали доверяться только документам, бумагам с подписями и печатями, словно подчёркивая свою непосредственную приближённость к этой богине. Обычные слова, конечно, остались значимыми для нас, но если они даже слетели с уст президента, то всё равно, неплохо бы их зафиксировать каким-нибудь документом.

К чему я этим отвлёкся? Да, потому что, как я уже намекал, дальше мне предстоит освещать события мистические, с точки зрения обычного мировоззрения, и к своим словам никаких заверенных бумаг я приложить не могу. Если и есть какие-то документальные отголоски моему повествованию, то они скудны и никому не интересны, как, впрочем, и са-

ма жизнь обыкновенного человека. Ну, например: в городском загсе хранится бумага о разводе Валентина Владимировича Егорова с гражданкой Егоровой Татьяной Васильевной, и где-то в этом же здании находится запись о смерти Ивана – сына бабы Пани. В отделе кадров больницы лежит трудовая книжка Людмилы Алексеевны Добротовой, а в библиотечном журнале и в некоторых сохранившихся школьных дневниках вы обнаружите записи и подпись Маргариты Николаевны Потёмкиной. Эти люди – реальные, а со всем остальным, вам придётся поверить мне на слово.

Простите за отступление. А ведь утро уже наступило, и мне следует продолжать свой рассказ. Таинственный гость уже пришёл, и его невозможно не заметить, а, тем более, проигнорировать.

Глава 3. Начало блокады.

Машина такси с визгом развернулась и помчалась обратно, в сторону города. Максим Зиновьев шёл вдоль пустыря, смакуя приятными мыслями, которые, словно бабочки порхали в его голове, и он не спешил утяжелять уж крылья какими-то глубокими осмыслениями. Несколько раз он оборачивался назад к трассе и любовался розовыми перьями застывших на горизонте облаков. О работе Максим уже не помышлял, и сегодняшний день он хотел посвятить маме; мечтал усадить её в комнате на кровать и болтать с ней обо всём подряд. Подумал, что не плохо бы позвонить ещё и Владимиру, чтобы тот привёз вечером из города пиво с воблой, и они бы отметили в беседке такое славное освобождение.

Мимо пролетела большая чёрная птица. Максим провожал её взглядом, и пытался угадать: ворона это, или спешащий к лесу сокол, и вдруг... – птица исчезла. Не упала, не скрылась в деревьях (которых попросту нигде не было), а просто пропала, словно невидимый сачок ловким взмахом умыкнул её с неба. «Наверное, бессонная ночь даёт о себе знать», – подумал Макс и встряхнул головой. Но, открыв глаза, слегка ужаснулся от представшей перед ним реальности (а вернее сказать, нереальности): впереди вообще ничего не было. Ни заброшенных участков, ни руин станции, ни привычного леса с правой стороны. Зиновьев остановился и

обернулся назад, проверяя: к тому ли повороту подвёз его таксист. Пейзаж был привычным и даже красивым: он видел, как сквозь деревья по трассе ползли два грузовика и легкового автомобиль на фоне восходящего малинового солнца. Максим стал осторожно поворачиваться обратно в сторону дома, не отрывая взгляда от полосы горизонта, и на полпути прервал своё движение, всматриваясь в размытую границу, где пропадал реальный мир, и начиналась белая пустота.

– Ничего себе, туманище! – восторженно произнёс Максим и почувствовал, что от восхищения ему не хватает воздуха. С минуту он приходил в себя, а потом осторожно начал продвигаться вперёд, стараясь поймать тот незабываемый момент, когда он полностью окажется в этом густом белом облаке. С вытянутой вперёд рукой, он сделал шагок, другой, ещё один, и... Максима охватило необычное и волнующее ощущение, от которого его сердце занялось, а потом остановилось где-то под горлом. Он, словно стоял на дне молочного озера, но дышал воздухом. Максим посмотрел на свою вытянутую вперёд руку и невольно рассмеялся; он с трудом различал в белом мареве свои дрожащие пальцы. Потом он опустил глаза вниз, и не увидел своих кроссовок; густая пелена вниз от колен «съела» его ноги. Максим будто со стороны слышал свои тихие, нервные, но восторженные смешки. Таких природных катаклизмов ему наблюдать не доводилось. Конечно, в своей жизни ему приходилось видеть туманы, но такой чудовищной густоты..., нико-

гда. Он вдумчиво развернулся на сто восемьдесят градусов и сделал несколько решительных шагов назад, рассчитывая выйти из облака, чтобы вновь увидеть под восходящим розовым солнцем трассу. Зиновьев хотел это сделать для невероятного сравнения, а потом снова рассчитывал войти обратно в это «воздушное молоко» и, как-нибудь дойти в нём до дома. Но туман и не думал выпускать из себя пленника, ни после пятого шага, ни после восьмого. Дорога, ведущая в город, шумела где-то там, впереди, и Максим её отчётливо слышал, но взору она так и не открывалась, даже на втором десятке шагов. Тогда он остановился и для себя решил, что туман слишком быстро распространяется к трассе, и загонять себя в нём на проезжую часть бессмысленно и к тому же опасно. «Боже, каково будет водителям?!», – подумал так же Максим и опять осуществил осторожный разворот к дому. Постояв немного неподвижно и, чувствуя себя в каком-то белом склепе, он принял мудрое решение. Присев на корточки, Максим отыскал край грунтовой дороги, где началась трава, и вдоль этого края, согнувшись, чтобы не потерять границу, он осторожно пошёл к дому.

Почти в то же время, когда Макс очутился в тумане, Валентин Егоров проснулся как обычно, под противно пищущий будильник. Если за секунду до этого Валентину и снился какой-то сон, то это раздражающее и пронзительное: «пи-пи-пи...» уничтожило все остатки сна, даже из подсознания. Несчитанное количество раз у Егорова возникало жгучее же-

вание зашвырнуть этот будильник в стену, но всегда его останавливало то обстоятельство, что отсутствовал другой альтернативный источник пробуждения. Казалось бы, разбей эту гадость с утра и купи себе днём в городе какое-нибудь мелодичное устройство, но и этого Валентин Владимирович сделать не мог. По своей натуре он был человеком сентиментальным и к любой вещи относился трепетно. Так что, разбить будильник – это было для него поступком непозволительным, а купить новый (если честно) он всегда забывал.

Нажав кнопку отбоя сигнала, Егоров твёрдо решил, что сегодня же в городе купит радио будильник и навсегда покончит с этим кошмарным писком. Для этого он даже шариковой ручкой нарисовал себе букву «Б» на ладони, когда встал с кровати и подошёл к столу. Потом Валентин Владимирович проследовал на кухню, включил газ, поставил на плиту чайник и подошёл к раковине, чтобы умыться, но этого ему сделать не удалось. Так и не повернув ручку крана, он застыл в замешательстве. Ему показалось, что в кухонной обстановке было что-то не так, что-то необычное бросилось ему в глаза, когда он ставил на плиту чайник. Егоров оглянулся, посмотрел на плиту, взглянул на холодильник и, бросив взгляд на окно, заметил странную вещь: кто-то навесил снаружи окна белую простыню. «Единственный, кто мог решиться на такой розыгрыш, сейчас находится под стражей в городе. Конечно, его могли выпустить, и он на радостях отметился такой шуткой», – первое, что пришло на ум Вален-

тину. Он даже представил себе, как Максим ночью, приставив лестницу, поднялся на второй этаж и набросил на окно простыню. «Но какая же это глупость. Даже для Макса такая выходка очень уж странная», – подумал Валентин подошёл к окну, отщёлкнул верхний, а потом нижний шпингалет, и толкнул от себя раму наружу. Естественно, никакой простыни снаружи не оказалось. За окном вообще ничего не было, кроме белого непрозрачного воздуха.

– Ух, ты! Что за смесь?! – вылетел из Валентина Владимировича необдуманый восторженный вопрос, но, поводя перед собой рукой и, видя, как его пальцы утопают в белом пространстве, он понял, что это туман.

Но такой непроглядный туман он видел впервые, и даже не мог себе представить, что обычное испарение бывает таким густым. Перегнувшись через подоконник, Валентин еле-еле разглядел начало окна на первом этаже. Посмотрел в сторону и восхитился не меньше: в полутора метрах от него серая стена дома совсем растворялась в седом мареве, и казалось, что дома нет, что Валентин висит в своей квартире, подцепленной какими-то тросами, уже в облаке. В душе Егорова, как на качелях, раскачивался восторг, но с привкусом испуга от этого невероятного явления. Не в силах больше вот так стоять у окна, он почти побежал в комнату, впопыхах надел брюки, накинул рубашку и, не застёгивая её на пуговицы, заправил в пояс. Заскочил на кухню, чтобы выключить чайник и оторопел. Седая дымка клубами опускалась с под-

оконника на пол, белые змейки уже лезли за холодильник, и только у плиты пелена зависла нерешительной волной и задрожала от огненных голубых лепестков, вырывающихся из-под чайника.

– Ну, уж, нет, бородатый пришелец! Ко мне в гости не надо. Лучше, я сам к тебе спущусь», – в панике проговорил Валентин вслух, быстро закрыл окно и выключил газ под не успевшим закипеть чайником. Не прикрывая в квартиру дверь, Егоров сбежал по деревянным ступеням вниз и выскочил во двор, но успел удержать себя, схватившись за ручку подъездной двери. Туман был настолько сильным, что Валентин с благодарностью посмотрел на дверь, за которую он держался и которая не пустила его вперёд в это белое пугающее пространство. Некоторое время он стоял и пытался уловить хоть какой-нибудь необычный запах, потому что разглядеть что-либо впереди себя было невозможно. Потом в нем проснулось какое-то ребяческое любопытство вместе с тягой к необдуманым экспериментам, и, отпустив ручку двери, Валентин сделал робкий шаг в белую неизвестность. После пятого шага на него налетел испуг, от которого спёрло дыхание. Он обернулся назад, но не увидел уже ни двери в подъезд, ни самого дома, лишь туман был немного темнее за его спиной, чем впереди.

– Я первопроходец, – подбадривал себя шёпотом Валентин и осторожно продолжил продвижение к беседке, выставив перед собой руки.

Дойти до неё он мог вслепую, в любое время и в любом состоянии. Как можно пройти мимо убогого сооружения, которое почти каждое утро первым делом предстаёт перед его глазами при выходе из дома. Беседка находилась ровно перед вторым подъездом, и зрительно она и сейчас, как штамп, стояла в глазах Валентина, но вот, сколько до неё было метров, он прикидывал уже в уме: «Метров двадцать... , но, возможно, и того меньше. А сколько я прошёл такими шажками? Метра четыре. Значит, можно ускориться».

Кому-то покажется, что нелепое занятие себе выбрал взрослый человек, но Валентин Владимирович мог себе объяснить, зачем он направился к этой беседке. Вместе с поднявшимся от восторга адреналином, взбурлила так же и забытая мальчишеская страсть, где главными лозунгами были: «Это здорово!», «Я смогу пройти туда и обратно!», «Чего мне стоит?!». Но сколько было случаев, когда детское рвение оборачивалось несчастным случаем или бедой. Вот и на этот раз случилось нечто подобное.

Медленно продвигаясь вперёд, внедряясь руками в пустое пространство, в надежде наткнутся на деревянную беседку, Егоров начал не на шутку беспокоиться. По его расчётам корявая постройка давно уже должна была появиться на его пути. Пройдя ещё несколько шагов, он остановился и судорожно подсчитывал: «Пусть, мой шаг – сантиметров сорок. Я сделал больше семидесяти шагов. Значит, я прошёл около тридцати метров. Этого не может быть! Я не мог на неё

не наткнуться! А дальше лес. До него ещё метров тридцать. Нет, к нему не пойду. Там совсем затеряюсь».

Скованный паническим страхом, Валентин Владимирович присел на корточки, обхватил голову руками и пытался сосредоточиться.

«А может быть, я всё-таки чуть отклонился в сторону? – как бы уговаривал он себя в поисках уверенности и в выборе нужного направления. – Но в какую: в правую или левую? Но всё равно, за беседкой начинается высокая трава. Где она? А здесь что?». Он провёл рукой по шершавой влажной земле и поднёс ладонь к лицу. Из груди к горлу подступал холодный страх.

– Какой-то чернозём. Хоть помидоры сажай, – прошептал он вслух и произнёс чуть громче: – Такого здесь отродясь не было. Ну, не мог я её пройти! – почти вскричал Валентин, имея в виду беседку.

Валентин Владимирович совсем опустился на колени, и нервная дрожь пробежала по его позвоночнику. Бескрайний белый океан растелился повсюду, и Егоров чувствовал себя в нём чёрной песчинкой, которую отнесло в самую глубокую впадину этого океана. Что-то подобное с ним когда-то уже происходило, но из-за паники Валентин не мог припомнить: когда и где. Но это состояние испуга, безусловно, было ему знакомо, и оно – так и не вспомненное, с какой-то жалостливой усмешкой откликалось в его подсознании. Валентин

будто вдел себя со стороны маленьким сонным жучком, который, случайно проснувшись, очутился на заснеженном поле, а вокруг никого, и ничего. Дочь, внучка, да и все люди, города и страны оказались почему-то от него в недостижимых далёких мирах. Даже серый двухэтажный дом вроде бы и находился где-то рядом (Валентин каким-то шестым чувством вдруг ощутил его близость), но тот, словно оживился каким-то тёмным озорным духом и решил поиграть с ним в издевательские волшебные «прятки». Необычное присутствие дома чудилось Егорову то справа, то слева, то вообще впереди, где его предположению Валентина быть не могло; там должен стоять лес. «Зачем я только оторвал свою руку от двери подъезда?», – отчаянно сожалел он, но неожиданно для себя в одну секунду Валентин собрался, встал на ноги, сжал пальцы в кулаки и скомандовал себе:

– Так. Спокойно. Стоять.

Твёрдость духа пришла к нему, когда он, именно, вспомнил про дом. Старое двухэтажное сооружение казалось Валентину Владимировичу неким центром отсчёта, который оставался неизменным и реальным. Дом в любом случае должен быть за его спиной, иначе Егорову придётся признать, что в нём сбиты все настройки, определяющие его местоположение в пространстве.

Как солдат на плацу, Валентин развернулся кругом и решительно зашагал в обратную сторону, даже не выставляя уже перед собой руки. От слепящей белизны его глаза сле-

зились, но их можно было и вовсе закрыть, потому что казалось, что они и без того прикрыты веками, сквозь которые кроме размытого и обширного голого света ничего больше не проходит. А возможно, глаза так реагировали на свою беспомощность, и это мозг им выдавал такую команду: закрыться от монотонной белизны слезой. Валентин Владимирович не силен был в анатомии человека, но почему-то подумал именно так. Ещё он вспомнил лицо Милы в тусклом освещении на вчерашнем ночном чаепитии и, наверное, поэтому невольно стал отклоняться немного левее, чтобы выйти не к своему, а к первому подъезду.

Пройдя приличное расстояние, сделав шагов чуть ли не больше, чем до этого (а Егоров их уже не считал), он остановился. Потом бедный Валентин в панике пробежался немного в том же направлении, не боясь врезаться в серую стену или чьё-то окно, и опять встал. Ни его дома, ни какого-нибудь затемнения в тумане нигде не было. «Это конец! – больно кольнуло в его висках. – Наверное, я не проснулся, а просто умер во сне и попал в какое-то чистилище. Откуда мне знать, как оно выглядит». Такое предположение даже как-то успокоило Егорова, но, заломив до хруста свои пальцы, он ощутил, в каком бешеном ритме бьётся его сердце. «Но плоть-то при мне! Значит, я не покойник!», – заключил он и бросился бежать вправо, зная, что там за торцом дома, где расположена его квартира, тянется высокая длинная насыпь, поросшая бурьяном и которая тянется аж до самого леса.

«Её-то я уже точно проскочить не смогу», – надеялся Валентин Владимирович и бежал вслепую, желая наскочить на этот возведённый когда-то бульдозером бруствер.

Но, ровным счётом, никаких рельефных изменений под ногами не наблюдалось, и вскоре, запыхавшийся больше от страха, чем от бега, Валентин упал на землю. Судорожные разрозненные мысли пронесли в его голове, разбавив страх каким-то непонятным раздражением, которое и заставило Егорова приподняться. Встав на колени, он поднял голову вверх и, глядя незрячими глазами в белую муть, прокричал:

– Господи, где я?!

– Там же где и я, – послышался чуть левее за его спиной далёкий голос Максима Зиновьева.

Если то, что испытал несчастный Валентин Владимирович, услышав этот голос, назвать радостью, – это выглядело бы полным равнодушием с моей стороны. Для Егорова отклик Максима был набатом, возвещающим о его воскрешении. Согласитесь, что единицам дано испытать подобное чувство. Вот и мне сложно его описывать.

Растирая грязными ладонями по щекам нечаянные слёзы, Валентин поднялся, и в то направление, откуда прозвучал голос, как только мог, прокричал, заикаясь от волнения:

– Ма-макс, эт-то ты?!

– Я-я, – прозвучало задорно на немецкий манер, и это озорство вызвало у Валентина дополнительную порцию слёз.

– Макс! Дорогой, ты мой! Стой, где стоишь, а то разойдёмся! – закричал опьянённый счастьем Валентин Владимирович и невпопад из него посыпались нелепые вопросы: – Ты что, не в тюрьме? Нет? Ты один? Дом наш видишь?

– Дом пока не вижу, – отвечал из белой каши Максим, – но надеюсь уже скоро его отыскать. А как же его не отыскать, когда завсегда тут этого дома уже где-то рядом. Владимирович, а ты-то, что там делаешь?

– Потом, потом, – торопился Егоров, бессмысленно вглядываясь в белое вещество, и волнительным криком попросил: – Макс, говори! Говори что-нибудь! Я буду идти к тебе.

– А что говорить? – немного озадаченно спросил Зиновьев.

– Что хочешь. Только, ради бога, не останавливайся..., в смысле, – не прерывайся.

В густом, но очень светлом тумане, где не проглядывалась под ногами земля, шёл Валентин Егоров на звучащее стихотворение, которое монотонно, словно из какой-то трубы, читал Макс Зиновьев.

– Девушка пела в церковном хоре о всех усталых в чужом краю, о всех кораблях, ушедших в море, о всех забывших радость свою. Так пел её голос, летящий в купол, и луч сиял на белом плече, и каждый из мрака смотрел и слушал, как белое платье пело в луче. ...Дальше, извини, не помню, – в той же интонации вещал Макс, как и просил Валентин, не прерываясь, – со школы не брал в руки томик Блока, – и после

секундной паузы: – А вот, вспомнил. И голос был сладок и луч был тонок, и только высоко у царских врат, причастный тайнам, – плакал ребёнок о том, что никто не придёт назад.

На последних словах Валентин Владимирович уже повис на плечах Максима, радостно обнимая своего молодого друга соседа, и говорил:

– Придёт, придёт. Ещё как придёт. Представляешь, вышел из подъезда и заблудился, – объяснял он, уже чуть отстранившись от Макса и любуясь им – таким натуральным и близким, пусть и окутанным в белую дымку. – Прямо чертовщина какая-то. Точно знаю, куда надо идти, а везде промахиваюсь. Ух, ну и туманище! Я в жизни такого не встречал. Прямо, жуть какая-то пробирает до самых костей, – потирал он свои плечи скрещенными на груди руками.

– Полностью, Владимирович, с тобой согласен, – играя бровями, ответил Максим, разглядывая потрёпанного соседа: – Уж не на работу ты в таком виде собрался? Рубашечку бы сменить треба.

– Да, какая работа, Макс?! Нам бы дом отыскать. Но теперь мы с тобой его точно найдём, – без сомнения надеялся отдышавшийся Валентин, осматривая на себе не застёгнутую грязную рубашку, и спросил, словно извиняясь за свою забывчивость:

– А тебя выпустили или ты сбежал?

– Владимирович, ты не поверишь, – самодовольно начал рассказывать Максим, положив руку на плечо соседа, – ока-

зывается, в наших карательных органах ещё присутствуют личности с разумным мышлением. Я просто пребывал в шоке, когда слушал этого майора. Сразу почувствовал, что не всё так плохо, ... и не только для меня, а для страны в целом. Ну, мы с ним поговорили откровенно, и в конце он честно сказал, что я – дурак, и что таким дуракам надо ходить по этой земле осторожнее. И вот, представляешь? – наставление в руку. Чем мы с тобой сейчас и занимаемся. В общем, взял с меня только подписку о невыезде, – после этих слов Максим рассмеялся, бесполезно осмотрелся по сторонам и прибавил: – А какой тут выезд? Здесь пока и въезд, хрен, отыщешь. Знаешь, Владимирович, я шёл сюда по краю дороги, и по моим расчётам дом уже должен находиться впереди и чуть правее от нас, – указал он правой рукой за левое плечо Егорова и прищурился, будто и в самом деле пытался высмотреть в этой непроглядной завесе дом.

– В моей голове уже нет никаких схем, поэтому будем действовать по твоему плану, – безропотно с улыбкой поддержал его Валентин и глубоко прерывисто вздохнул, вспомнив недавний кошмар.

– Ты прибежал приблизительно оттуда, – непонятно куда махнул рукой Максим и за плечи развернул Валентина в нужном направлении, продолжая рассуждать: – и, соответственно, домом там не пахнет.

– Не пахнет, – согласился Егоров и даже принохался, но ничего кроме влаги не почувствовал.

– Правильно, – невозмутимо продолжал Зиновьев, – потому что он должен быть правее. Вот «грунтовка» (присел Максим и подобрал с дороги какой-то камушек), она упирается в насыпь. Но перед этим должен быть съезд во двор нашего дома. Верно? – спросил он Валентина, не требуя ответа, и повёл его вперёд, придерживая за локоть и, продолжая объяснять: – Я всё время шёл по правому краю дороги, и съезда к дому пока не было. А это значит, что он вот-вот должен появиться.

– Пойдём совсем медленно, чтобы не пропустить, – попросил Валентин Владимирович, наложил свою ладонь на держащую его руку Максима и с тревогой в голосе сообщил: – Макс, мне кажется в этом тумане, есть что-то неестественное. Я здорово испугался, можно сказать, был в истерике, пока не услышал твой голос. Я вышел из подъезда и шёл всё время прямо, надеясь наткнуться на нашу беседку, но ни её, ни высокой травы за ней не было. Я наткнулся на какой-то натуральный чернозём. Потом я начал метаться из стороны в сторону, как ошпаренный и, в конце концов, как видишь, заблудился.

– Обычная паника, – успокоил его Максим и поводит впереди себя по белому занавесу рукой, как бы демонстрируя, что ничего сверхъестественного в этом тумане нет, кроме густоты, а после сказал: – Я тоже испугался. Но только когда услышал: «Господи, где я?!».

В отличие от отчаянного крика Егорова, Максим произ-

нёс эту фразу в зловещей интонации и рассмеялся. Валентин так же поддержал его пародию каким-то самокритичным стыдливым смешком, и вдруг кое-что заметил под ногами с правой стороны.

– Вот он – съезд, – обратил он внимание Максима.

– Точно, это – он, – пригибаясь к земле, согласился Зиновьев и весело прибавил, когда выпрямился: – Ну, вот, мы и дома.

От радости они прибавили шаг, но вскоре оба врезались в серую стену дома, которая внезапно выросла перед ними из тумана.

– Не понял, – прошептал удивлённо Максим, потирая ушибленное запястье. – Это же окна бабы Пани. Странно. Откуда они здесь? К ним же даже никакой тропинки никогда не было. Одна трава... да пара кустов крыжовника росло. Ну, правильно. Вот он, – провел он рукой по замаскированному в густой дымке кусту.

– Я же говорил тебе: здесь что-то не чисто, – отозвался с тревогой и лёгким возмущением Валентин Егоров.

– Владимирович, ну, её к чёрту, твою мистику, – почти взмолился Максим. – Слава богу, что дом нашли. Ты не представляешь, как мне сейчас хочется оказаться в квартире и успокоить свою маму Свету.

И Зиновьев толи на радостях, что вышел к дому, толи ещё по какой причине, от души шлёпнул ладонью по серой штукатурке стены.

– Ты прав, ты прав, – проговорил Валентин, с какой-то благодарностью поглаживая влажный подоконник.

Затем, не отрывая пыльцы от шершавого фасада, они обошли дом против часовой стрелки и оказались у закрытой двери первого подъезда. Вошли внутрь, и из каждого мужчины, как по команде, вырвался свой выдох облегчения. Максим по-дружески подтолкнул Валентина Владимировича в свою квартиру.

Светлана Александровна, ещё заслышав шорох на лестнице, с трепетом в груди поднялась с кровати и, накинув на плечи мохнатую шаль, вышла в коридор.

Слёзы заблестели в её уставших бессонных глазах. В полумраке прихожей за Валентином Егоровым стоял её сын. Она не спешила броситься в его объятия, а любовалась им, пускай и плохо различимым в неосвещённом коридоре, но это вернулся её мальчик, и Светлана Александровна старалась впитать в себя всю прелесть и волшебство этого момента. Понимая, что произошло какое-то чудо, она в неподвижном молчании благодарила Бога за посланную ей милость. И первым не выдержал Максим. Протиснувшись между свисающей одеждой и Владимировичем, он обхватил мать своими длиннющими руками и, уткнувшись лицом в её седые волосы, прошептал с глубоким чувством:

– Мам, как же я тебя люблю!

– Но, не больше, чем я тебя, – задыхаясь от объятий сына, а потому с усилием проговорила Светлана Александровна и

после чуть отстранилась, чтобы наконец-то взглянуть своему чаду в глаза.

– Я знала, что этим утром ты вернёшься, – сказала она уже свободным голосом, улыбаясь, держа Максима за руки, – как только увидела за окном туман, сразу поняла, что только с тобой могу пережить такое нашествие.

– Ну, брось. И ты в какую-то мистику подалась. Обычное природное явление. Впечатляет, конечно, но не настолько, чтобы впадать в панику. Правда, Владимирович? – обратился Максим через плечо к соседу.

– Здравствуй, Валентин! – перенесла Светлана Александровна своё внимание на Егорова и, будто извиняясь за не вынужденное первичное отсутствие гостеприимства с её стороны, шутливо предположила: – Ну-ка, быстро сознавайся: это ты спас моего непутёвого охламона из лап правосудия?

– Если бы, – с сожалением пожал плечами Егоров. – Он сам пришёл, а по пути ещё и меня спас заодно. Я же, Светлана Александровна, заблудился в этом кошмаре.

– Как это? – заинтересовалась Зиновьева, не скрывая на лице искреннего удивления, и предложила: – Пойдёмте скорее на кухню, я поставлю чайник, и вы мне всё подробно расскажете.

Валентин на мгновение задумался: а погасил ли он огонь под своим чайником? Вспомнил, что точно повернул ручку конфорки, и со спокойной душой проследовал за Светланой Александровной на кухню, где Макс уже что-то жевал, стоя

перед распахнутой дверцей холодильника.

Они сидели за столом, пили чай в прикуску с тем, что только могла собрать Светлана Александровна из еды для голодного сына, и делились своими впечатлениями о вчерашнем вечере, ночи и сегодняшнем утре. Излагать подробности этой беседы нет никакого смысла, потому что мой внимательный читатель и сам может в общих чертах представить себе этот разговор. А я лучше предложу ему заглянуть в другие квартиры, стоящего на отшибе дома, да, к тому же ещё, окутанного таким невероятным туманом.

Второй спаренный, согласно шадящему графику, выходной день начинался для Маргариты Николаевны Потёмкиной обыденно и привычно. Она проснулась без будильника и минут десять лежала укрытая одеялом, без движения и с закрытыми глазами. Я бы не осмелился сравнить её со спящей красавицей, потому что в целом обстановка и атмосфера в комнате не располагала ни к каким надеждам на счастливый конец. Скорее, на ум приходит хрустальная ваза в мягкой подарочной упаковке, хотя и эта ассоциация не слишком сочетается с Маргаритой, – уж больно она праздничная. А если оставить в покое аллегории и обратиться к удручающей реальности, то неподвижная Маргарита Николаевна, на самом деле, осторожно, как бы заглядывая в себя, пыталась понять и оценить, в каком состоянии находится её организм. Она лежала и боялась даже пошевелиться, потому что знала, что

любое движение подогреет внутренние болезненные ощущения до ноющей боли.

Открыв глаза, Маргарита ещё с минуту лежала в кровати, но всё-таки с трудом поднялась, набросила на себя мрачный зелёный плед в горчичную клетку и превратилась в хрупкую старушку. На кухне она приняла положенную порцию лекарств, подошла к окну и ничего за ним не увидела. Тогда она прильнула к стеклу, как и вчера вечером, и посмотрела вниз. Скупое изумление выразилось только лёгким взлётом бровей и дернувшимися в стороны уголками губ на лице Маргариты Николаевны. Туман, конечно, её взволновал, но настолько, что у Потёмкиной выиграла только пессимистичная философия. «Так и должно быть в этом скучном бездушном мире, – рассуждала она. – Только белое и чёрное, и больше никаких цветных иллюзий. Так будет честно. А я уже обожаю эту белизну. Зачем мне этот осточертевший пейзаж за окном? Лес, убогая кривая беседка, нужная только этим двум алкоголикам, распивающим по пятницам в ней пиво. Эти бельевые верёвки мне ужасно надоели; висят, как струны исполинской заброшенной гитары. Да, ещё эта тётка вчера развесила на них свои наволочки с простынями. Куда уж лучше этот содовый раствор. И желательно, чтобы ночь была полной противоположностью этого утра, – чёрной как уголь без единого огонька и звуков. А то вчера устроили здесь кавардак. Хотя мне понравилось, как этот паренёк из первого подъезда уклонялся от выпадов какого-то тучно-

го милиционера. Прямо, герой какой-то. Жалко, что его всё-таки забрали».

Маргарита Николаевна прислонила к окну бледные почти прозрачные ладони, и продолжительно подула между ними на стекло, и тут же отскочила от окна. Случилось что-то невероятное; стекло в том месте, где она дула, на её глазах покрылось сверкающей ледяной коркой. Маргарита уже и не помнит, когда её сердце билось с такой частотой.

– Что за ерунда?! – невольно вскрикнула она, всматриваясь в ледяной узор.

Испуг у Потёмкиной никуда не делся, просто он ушёл на второй план, задвинутый интересом и любопытством. Маргарита снова шагнула к окну и поскребла ногтем по стеклу, но, к её огромному удивлению, иней был по другую сторону стекла.

– Этого не может быть. Так, не бывает, – в ужасе прошептала она и вновь отпрянула от окна, но на этот раз уже дальше.

Никакого объяснения такому загадочному природному явлению у неё не было, но в душу и в сознание прониклось какое-то беспокойное для неё заверение, что кто-то пытается с ней поиграть таким необычным образом, – там, снаружи. Маргарита опять осторожно вернулась к окну, но второй раз касаться стекла она побоялась, а серебристый островок начал таять, и вниз по стеклу поползли капли. Когда ледяные следы её, якобы, дыхания совсем исчезли, а на ниж-

ней раме образовалась маленькая лужица, на лице Маргариты Николаевны появилась непроизвольная, но очень милая улыбка. Произошло какое-то маленькое чудо, и ей захотелось рассказать о нём кому-нибудь прямо сейчас. Но кому? В телефоне у неё были номера только коллег по библиотеке, и пара старых номеров ещё по работе в школе. Кому-нибудь из них позвонить? От этой мысли у неё мгновенно пропало всякое желание с кем-либо делиться увиденным. О соседях Потёмкина в тот момент даже не подумала. «И вообще, чего это я так «подскочила» кому-то звонить, – ругала она себя. – Хорошо, что так быстро прошло это наваждение. И что бы я сказала? «Представляете! У меня в сентябре за окном появился лёд от моего дыхания». Бред какой-то. Меня бы совсем за ненормальную принимать стали бы».

И вдруг, Маргарите показалось, что белая пелена за окном колыхнулась, будто снизу её потревожило какое-то большое существо. Она в страхе задёрнула шторы, попятилась к двери и включила свет. Тревожное предчувствие надвигающейся беды, которое её преследовало последнее время, усилилось; оно как будто подсказывало, что опасность приблизилась, и она находится уже в этом тумане. Чтобы избавиться от скверных мыслей, Маргарита прошла в комнату и взяла в руку пульт от телевизора. С красной кнопки телевизор включился, но ничего кроме серой мерцающей ряби экран не выдавал. Перепробовав пальчиком все кнопки, Потёмкина поняла, что с телевизором что-то не так. Утро станови-

лось гадким. Страх сменился гневным раздражением, потому что теперь ей предстояло мучаться выбором: вызывать мастера или покупать новый телевизор.

В связи с почтенным возрастом, режим сна у бабы Пани нарушен давно. Иногда она могла проспять всю ночь, и случалось, что после этого, ещё и днём покемарит. А бывали и бессонные ночи, когда, почувствовав позывы дремоты, она ложилась в кровать, но примерно через час просыпалась и больше не могла заснуть. В такие ночи пожилая женщина мучилась и в душе проклинала темноту за окном, поскольку принимала её за тюремщицу, которая издевательски следила за тем, чтобы несчастная узница как положено отбывала своё наказание. Но надо признаться, что такая бессонница посещала бабу Паню не часто, иначе она бы точно упросила Людку Добротову привезти из больницы какое-нибудь снотворное средство.

Сейчас я объясню почему бессонная ночь была для старушки такой мукой. Представьте себе, что вы ждёте показа в кинотеатре, или дома по телевизору премьеры фильма, анонс которого был очень уж интригующим, а вам объявляют, что по какой-то причине показ откладывается. Можно не сомневаться, что ваш предвкушающий наслаждение настрой сам выберет нужную форму для раздражения и возмущения. Вот и про бабу Паню следует сказать, что свои сны каждый раз она ждала с предвкушением, как некое послание с небес.

Иногда сны повторялись вплоть до мелких деталей, как под копирку, но повторы только умиляли пожилую женщину и укрепляли её веру в загробную жизнь. Могли меняться краски, обстановка, но суть этих снов всегда оставалась неизменной: Паня всё время провожает куда-то своего сына Ивана. То он в военной форме заскакивает на подножку грузовика и кричит ей трогательные обещания, то в рабочем костюме электрика он заходит в вагон поезда и из тамбура поспешно рассказывает какая прекрасная жизнь их ожидает в ближайшем будущем. Бывали и очень короткие сны, но не по времени (а учёные вообще считают, что сон длится несколько секунд), а по смыслу, где например: Иван просто машет ей рукой во дворе, а потом, скрывается за углом дома. И, разумеется, при пробуждении вместе с радостью появляется и печальный осадок на душе у бабы Пани, и она отдала бы всё, что у неё есть, за один единственный маленький сон, в котором бы она не провожала, а встречала своего Ваню.

Находясь в трепетном волнении от очередного такого сна, баба Паня уже давно была на ногах. Она успела поделаться что-то на кухне, закрепила нитками разболтавшиеся пуговицы на своём любимом полупальто из тёмно-синего драпа и слышала, как поспешно выходил из подъезда Валентин. «На работу, что ли опаздывает», – подумала она.

Потом баба Паня сварила себе в крохотной кастрюльке пшённую кашу, поставила её на специальную дощечку, которая всегда находилась на круглом столике и уже было при-

ступила к завтраку, как услышала за окном какие-то крики. Затем кто-то громко и монотонно читал стих.

– Что ещё за концерт, – пробурчала старушка, отложила ложку и подошла к окну.

Разумеется, разглядеть что-либо она не смогла. Но Баба Паня повидала в своей жизни много туманов, отчего не особенно удивилась и этому, хотя он и показался ей каким-то слишком уж суровым.

Неуместная поэзия закончилась, и послышались радостные мужские голоса. Сквозь закрытое окно они доносились до бабы Пани как-то не реально, словно голоса летели не издалека, а сквозь время из далёкого прошлого. Это странное ощущение её взволновало, и она отошла чуть в сторону от окна, пытаясь понять, что же с ней происходит. Она не спала, но обстановка очень напоминала сон. За окном послышался знакомый смех, потом шорох, за ним невнятное бормотание. Вовсе не испуганная, а чего-то ожидающая, баба Паня взглянула сбоку на окно, и будто заметила в белом мареве тень, а потом на жестяном наружном подоконнике появилась мужская рука с красивыми длинными пальцами. Кисть задержалась на секунду на ржавой поверхности и скользнула в сторону. Это видение не шокировало старушку, а наоборот: заставило её действовать, и немедленно. Опрокинутый стул обиженно ударился спинкой о линолеум, а баба Паня уже спешила в комнату за драповым полупальто, чтобы хоть немного выглядеть нарядной. Но она не сразу смогла его раз-

глядеть на кровати, потому что перед её глазами световой завесой стояли два ярких белых прямоугольника, отпечатавшиеся от кухонного окна.

«Ну, где же оно?! Где же?! Где же?! Там же мой Ванечка вернулся! Ванечка! Ванечка!», – стучало в груди израненное, но не разбитое материнское сердце.

Да, дорогой читатель, оно способно безумно верить и надеяться на чудо вопреки мучительной реальной разлуке, которую учинила смерть. И я бы хотел, что бы вы отнеслись к этому безумию пожилой женщины с уважением. Она научилась жить без сына, по-своему ценит эту одинокую жизнь и не спешит с ней расставаться. Как можно её упрекнуть или, не дай бог, посмеяться над ней за этот сумасшедший порыв: броситься в бездну ради встречи с любимым чадом.

Белые прямоугольники рассеялись перед глазами, и поэтому баба Паня даже прихватила с собой из прихожей платок, пусть и мрачный, но зато с какими-то блёклыми цветочками. Спускаясь по трём ступенькам, она быстро повязала его на голову, распахнула дверь подъезда и остановилась. Перед ней было только густое белое месиво. Справа что-то скрипнуло, и раздался хлопок.

– Ванечка! – негромко крикнула она и, придерживаясь рукой за стену, пошла на звук.

Она дошла до двери первого подъезда, приоткрыла её, и опять позвала сына, но уже более осторожно. Потом ещё раз позвала, но ответа, естественно, не последовало, и только

слабый шум доносился из квартиры Зиновьевых. Поняв, что она зря теряет время, и её сын где-то за домом бродит в тумане, баба Паня прикрыла дверь и пошла дальше, не отрывая правую руку от стены дома. Она не спешила, и не ради осторожности, а боялась пропустить своего Ванечку, поэтому постоянно звала его, выкрикивала в туман любимое имя, но не громко, потому что волнительный ком в горле не давал ей свободно использовать голосовые связки. А безжалостный туман проглатывал её зов, и ровным счётом ничего не давал взамен, – ни малейшего звука. Она задержалась у своего кухонного окна, осмотрела ржавый подоконник, словно хотела обнаружить отпечатки пальцев своего сына, а потом ещё какое-то время пыталась докричаться до Ивана, надеясь, что он затерялся где-то поблизости.

Заканчивала она свой обход уже в отчаянии, но и не хотела до конца верить, что всё это ей померещилось, или кто-то над ней так злобно подшутил. Но обида и жалость к себе взяли верх. Старушка прислонилась плечом к двери своего подъезда, склонила повязанную невзрачным платком голову и зарыдала, прикрывая своё морщинистое лицо такими же сморщенными руками.

И хочется отметить одно важное обстоятельство, которое возможно определяет душевную силу этой женщины: плакала она последний раз, только когда хоронила своего сына.

Чтобы придерживаться повествования подробного, мне

приходится немножечко перескакивать во времени, поэтому сообщу, что следующее событие происходило через пол часа после того, как огорчённая надеждой баба Паня вернулась в свою комнату. В квартиру номер один не позвонили, а тихо-нечко постучали в дверь, как раз в самый разгар завтрака. Светлана Александровна вздрогнула и насторожилась. Максим заметил её беспокойство и поспешил успокоить:

– Мам, посмотри какой туман во дворе. Кто это может быть кроме соседей.

– Да, но я как раз о таком недалёком соседе и подумала, – напомнила она Валентину, имея в виду Жмыхова, а сыну пояснила: – Властелин «мигалок» соизволил здесь заночевать.

Осторожный стук в дверь повторился.

– Валентин, я тебя умоляю, посмотри, кто там. Если это он, то пошли его к чёрту, – попросила Светлана Александровна, и тут же избавилась от своих опасений: – Хотя этот кабан так скрестись не будет. Но всё равно, Валь, открой лучше ты.

Когда Егоров пошёл открывать дверь, Зиновьева хитренько заулыбалась, потому что догадывалась, кто мог прийти.

На площадке стояла Мила Добротова и, несмотря на мрачное освещение, Валентин успел разглядеть самое нужное для себя. Его захватила нежная припухлость её лица, интимно намекающая о том, что ещё несколько минут назад Мила спала. Он так же заметил и румянец на щеках, который выдавал лёгкое возбуждение, вызванное желанием Ми-

лы немедленно поделиться какой-то новостью. Это желание отражалось и в её восторженных глазах, но правда, этот восторг быстро сменился удивлением и смущением, когда Мила увидела Валентина, которого никак не ожидала здесь застать.

– Доброе утро, Валентин Владимирович, – поздоровалась она и при этом чуть поперхнулась, потому что хоть и старалась, но не смогла скрыть своего удивления. – А Светлана Александровна не спит? – спросила она, не задумавшись из-за растерянности о странности такого вопроса.

Валентин Егоров, конечно, ожидал увидеть именно Милу, когда шёл открывать дверь, но, будучи человеком, по натуре стеснительным, он как увидел её перед собой, так сразу очаровался ею и сам пребывал в лёгкой рассеянности.

– Нет-нет, она уже кормит нас завтраком, – не замечая её оплошности, выдал он в свою очередь свою нелепость.

– Заходи, Милочка. Тебя-то мы всегда рады видеть, – прекратила из кухни Светлана Александровна эту застенчивую неразбериху.

Егоров, по-джентльменски, посторонился, и Мила Алексеевна почти вбежала на кухню с сумбурным сообщением:

– Вы видели, что творится снаружи?! Это ужас какой-то! Я как увидела, вся мурашками покрылась. Стою и глазам своим не верю. Даже шажочек побоялась во двор сделать, а у меня там бельё висит.

Возбужденность Милы, которую заметил Валентин, толь-

ко подтвердилась в этом восторженном выплеске. Её щёки действительно горели розовыми лепестками, расширенные глаза блестели пугливым восхищением, а пальцы на руках слегка дрожали.

– И я прошу вас этого не делать, – строго сказал Валентин, когда подошёл к ней и, тронув за локоть, как бы пригласил её присесть на свободный свой стул.

Лёгким кивком головы и с признательностью в глазах Добротова благодарила его, устроилась за столом и отвечала на его просьбу:

– Я и рада бы не выходить, но на работу – надо. Хотела бельё собрать, да идти на автобус. А как в таком ужасе передвигаться? – вопросительно посмотрела она на соседей, но поняв, что ответа у них нет, продолжила делиться впечатлениями: – Сначала ничего не поняла. Думала окна покрасили белой краской. Распахнула, чтобы проверить и чуть не задохнулась. Мать Божья, что это?! Петю будить не стала, он поздно вернулся....

– Я слышала, когда твой извозчик вернулся, – перебила её Светлана Александровна и, загадочно улыбнувшись, добавила: – мой, вон, тоже только утром пришёл.

И только сейчас Мила Алексеевна поняла, что смотрит на Максима, которого вчера вечером увезла милицейская машина. Мысли её перемешались.

– Ой..., – только и сорвалось с её губ радостное изумление.

– Вот тебе и «ой». Всё-таки есть, дорогая моя, на свете справедливость, – сказала Зиновьева и смотрела на Милу так, словно требовала к себе немножечко зависти.

– Максим, а как это? – не переставала Добротова восхищаться таким сюрпризом и удивлялась своему ротозейству.

– Я сказал там, что подполковник облажался, тётъ Мил, что он ошибочно принял меня за похитителя его совести и чести, – иронизировал причины своего освобождения Максим. – А как можно украсть то, чего нет? Вот и там со мной согласились и отпустили.

– Ну, довольно, тебе веселиться, – одёрнула его мать. – Мне кажется, ещё ничего не кончилось. Есть у меня предчувствие, что Жмыхов ещё себя проявит.

Валентин поухаживал за Добротовой; налил в большую чашку чай, положил на всякий случай две ложечки сахара, но размешивать не стал, и поставил чашку перед гостьей. Сам же, как и положено обслуживающему персоналу, отошёл в сторону, постоял недолго за спиной Максима, похлопывая того рукой по плечу, а потом двинул стул и занял место за столом чётко напротив Милы. Светлана Александровна с еле заметной улыбочкой наблюдала за ним, поскольку уже давно замечала, что Валентин, очень даже, не равнодушен к замужней соседке.

– Я так рада за тебя, Максим, – сказала Мила Алексеевна и, повернувшись к Зиновьевой, добавила: – и за вас очень счастлива, Светлана Александровна. Раз отпустили

сразу, значит, ничего серьёзного. Значит, этот милиционер и впрямь слишком погорячился.

Мать с сыном поблагодарили её за поздравления и разумные утешения, а Валентин Владимирович возобновил волнующую его тему:

– Мила Алексеевна, вы даже не думайте выходить во двор. Я вам это серьёзно запрещаю. Я сам чуть не заблудился. Сделал несколько шагов и всё, ...представляете, потерялся. У меня даже паника случилась. Это не просто туман, это какой-то монстр среди всех испарений.

– А что же делать? – испуганно и печально промолвила Добротова, – Как же быть с работой?

– Какая работа?! – потрясая над столом растопыренными пальцами, эмоционально и даже с небольшим раздражением воскликнул Егоров, – Вы пропадёте! И кому это будет нужно? Вашей работе?

– А если потихонечку? Только по дороге, и ...так до трассы? – жалобно предположила Добротова, посматривая на Зиновьеву, как бы в поисках у неё поддержки. Но Светлана Александровна тяжело вздохнула и промолчала.

Мила Алексеевна всегда была человеком очень ответственным и поэтому, даже весомые оправдания казались ей всё равно отговорками, которые не должны препятствовать выполнению её обещаний и обязанностей.

Валентин Егоров понимал, что готов был часами стоять в подъезде, чтобы только не выпустить эту женщину во двор.

Но это были бы уже крайние меры, а потому он пытался подобрать нужные слова и выражения, чтобы окончательно разубедить Милу от бестолковой и губительной затеи: – отправляться сегодня на работу. А трудность в выборе убеждения заключалась для Валентина Владимировича в том, что он никак не хотел показаться слишком уж заботливым, что ли; чтобы никто не заметил его искренние и индивидуальные переживания за эту женщину. И уж тем более боялся, что Мила сама заметит это повышенное его беспокойство. Но все эти мучения отражались на лице Валентина, и только бдительная Светлана Александровна могла разглядеть в его глазах отчаянную тревогу, перемешанную с мужской нежностью. Ещё Валентин нервно теребил пальцами скатерть на столе, и Зиновьева, чисто по-женски, чуточку его жалела.

На помощь своему другу и соседу пришёл Максим.

– Тётъ Мил, Владимирович хочет сказать, что в этом тумане какие-то паршивцы напустили нервнопаралитический газ или растворили отравляющую известь...

– А ты не бахвалься перед женщинами, герой, – перебил его по-дружески Егоров, но был благодарен Максиму за верное направление. – Ты вспомни, как сам удивился, когда мы вышли к дому не с той стороны, как рассчитывали.

– Абсолютно прав, – указывал Макс пальцем на Владимировича, а сам смотрел на Добротову и продолжал высказывать своё мнение: – Не тот случай, чтобы рисковать собой, дорогая соседка. Кто знает, до каких границ распространил-

ся этот туман. А может, он уже и на трассе, что, скорее всего, потому что, я почти там в него и попал. А может, и в самом городе уже. Тогда вообще, чрезвычайное положение объявить должны. И какая при этом работа?

– А может быть, и уже объявили, – выразительно, как-то по-наставнически, поддержал своего молодого друга Егоров и разумно посоветовал: – Надо местный канал включить.

Светлана Александровна небрежно махнула рукой над столом, при этом даже лениво зевнула и сообщила:

– Уже пробовала, ещё до вашего прихода. Телевизор не работает. Что-то с антенной случилось.

Поначалу, эта новость не вызвала ни у кого особого беспокойства, но Мила Алексеевна, ни о чём не подозревая, довела неприятное обстоятельство с телевизором до тревожного повода задуматься.

– А дайте мне тогда кто-нибудь мобильный телефон, – попросила она весёлым голосом, вспомнив ещё одну причину, по которой она спустилась в квартиру Зиновьевых. – Я в больницу позвоню, предупрежу, что меня не будет. А то мой аппарат что-то барахлит.

Нельзя упрекать мнительного и умудрённого жизненным опытом Валентина Егорова за то, что он первым делом стал ощупывать свои карманы, поскольку эта просьба прозвучала от Милы. С сожалением он понял, что телефона он при себе не имел, и кроме разочарования никакие тревожные мысли его не посетили. Зато Максим Зиновьев сразу же среагиро-

вал на проблему «барахлящего» телефона соседки.

– Та-а-ак, – протяжно изрёк он, с мрачными мыслями встал из-за стола и ушёл в коридор.

Вскоре оттуда донеслось:

– Мам, а твоя «трубка» где?

– На комод, – громко ответила Светлана Александровна.

Когда Максим вернулся на кухню, держа перед собой в руках оба телефона, вид у него был, мягко говоря, озадаченный.

– Странно. Очень странно, – произнёс он, скривил губы, и спросил: – Тётъ Мил, а ваш телефон, что говорит?

– Ничего, – ответила растерянная Добротова, пожимая плечами, – набираю номер, а там тишина.

Все напряжённо смотрели на Максима и ждали каких-то выводов. Тот задумчиво теребил в руках аппараты, а потом оглядел всех и с нервной усмешкой сказал:

– И эти ничего.... Ни голоса тётки-оператора, ни гудков. Пустышки. С них, похоже, вообще никакой сигнал никуда не идёт.

Над столом зависла тяжёлая тишина, и все четверо, как по команде перевели свои взгляды на окно.

– Я же говорю, в этом тумане что-то не так, – с опаской высказался Валентин Егоров.

Тревога, напряжение и какой-то щиплющий страх наполнили атмосферу кухни. У каждого закружились свои мысли, – волнительные и очень беспокойные.

Например, Максим Зиновьев пытался найти объяснение тому, как насыщенный влагой воздух может препятствовать радиосигналу, и какую ещё можно отыскать возможность связаться с внешним миром. Стационарные разбитые телефонные аппараты он находил когда-то на развалинах станции, но сейчас-то, что толку о них вспоминать. Почтовых голубей ни Владимирович, ни баба Паня не разводят. Конечно, эти фантазии были скомканными и с долей иронии, чтобы хоть как-то заглушить свой испуг, а серьёзным пугающим обстоятельством было то, что прошло уже больше часа, как Максим зашёл в невероятный туман, но тот и не собирался редеть. «Как такое возможно, когда солнце уже поднялось и, наверняка, прогрело воздух?», – размышлял Макс.

Валентин прокручивал в голове свою прогулку в тумане: вспоминал количество шагов, «разворачивал» себя в нужном градусе при поворотах, до встречи с Максом и мысленно рисовал себе схему пройденного пути. Он никак не мог понять: как можно было не наткнуться на беседку, а потом ещё и пройти мимо дома. Для Егорова было бы не плохо остановиться на умозаключении: что виной всему была паника, – психический срыв, из-за которого он не может точно восстановить свой путь, но Валентин Владимирович упорно не хотел в это верить, и убеждал себя, что в его блужданиях не обошлось без мистики. Это убеждение, как бы давало ему право удерживать в пределах дома не только Милу, но и всех соседей. «Нельзя никому выходить во двор, – выдал он

себе внутреннее распоряжение, как какой-нибудь главнокомандующий, и тут же подкорректировал свой приказ: – Во всяком случае, без страховки». А вот эта мысль, как светлый лучик, заставила его задуматься в конструктивном направлении. Валентин Владимирович вспомнил, как Максим читал ему в тумане стихотворение, и неплохая у Егорова родилась идея насчёт этой самой страховки.

Когда Мила Алексеевна смотрела на непрозрачное белое окно, мысли и переживания её были разбросаны, но понятны и просты, как у обыкновенной встревоженной женщины: – «Хорошо, что мои мальчики успели разъехаться перед первым сентября, а то бы, не дай бог, им очутиться в этом безобразии. А как там, в больнице без меня? День отсутствия – это ещё ничего, но два дня... – это уже никуда не годится. Страшно то как! Но Максим с Валентином разберутся и всё починят. А если нет? Может быть, Петя проспится и что-нибудь придумает?», – надеялась она на мужа, но почему-то без всякой пользы, словно подумала о нём просто так, – для проформы.

Вдруг послышалось протяжное хлопанье. Это Светлана Александровна, видимо, нарочно громко отпила чай из блюдца, чтобы отвлечь всех от окна и от безмолвия. Все трое словно встрепенулись и с испуганным удивлением посмотрели на неё. Зиновьева невозмутимо сделала ещё глоток, равнодушно поглядывая на них, а когда чуть брезгливо отставила от себя блюдце, то с небольшим возмущением спросила:

– Чего вы так уставились на меня? На моём лбу что, хризантема расцвела? Я сейчас жалею только об одном, что не умею заваривать чай, так как заваривает его Мила. Так что, дорогая, завари нам, как ты умеешь. У тебя изумительный чай получается, – попросила она и в виде аванса отблагодарила её добродушной улыбкой.

Добротова очень расторопно, будто извиняясь за забывчивость, приступила к привычному для неё занятию. Егоров, был слегка восхищён и даже одухотворён самообладанием Светланы Александровны, но в силу своей застенчивости, отвёл глаза перед собой на скатерть, чтобы не смущать её и себя своим откровенным взглядом. А Максим по-своему только усмехнулся и сказал:

– Королева-мать приучает своих подданных к спокойствию. А, правда, – ведь в преждевременной панике нет разума.

– И это хорошие слова, сын мой. Но добавлю, что любая паника безумна, – произнесла она с церковным пафосом и обратилась ко всем: – Вы оглянитесь вокруг себя и задумайтесь о том, что вас окружает. Мы в светлом сухом помещении. Газ, вода, еда – есть. Туалет, слава богу, не на улице. Но главное, что мы вместе. Два человека – это уже сила, а нас – вон сколько. Кстати, надо бы бабу Паню проведать и эту... – призрачную деву со второго этажа.

– Я схожу попозже, – согласился с разумным предложением Валентин, – заодно и свой телефон проверю. А вдруг...,

хм, на моём какая защита стоит.

– Ой, а у меня бельё во дворе сохнет, – неожиданно вспомнила Мила Алексеевна.

– Вот-вот, – ободряюще поддержала её Зиновьева, – жизнь-то не останавливается. Ты не представляешь Милочка, как ты этой бестолковой бытовой проблемкой только подтвердила фундаментальность жизненного устоя. Пусть твоё бельишко реет в тумане, как стимул доделать наши незавершённые дела.

– Но я же заняла верёвки, – настаивала Мила, беспечно забыв на мгновение про туман.

Светлана Александровна только посмеялась над этой наивностью, а Валентин Егоров всерьёз обеспокоился тем, что Мила вполне может, вот так безрассудно взять и выскочить за этими несчастными тряпками.

– Во двор, – ни шагу, – сурово обратился он, но не только к Добротовой, но и ко всем, и неожиданно прибавил с какой-то уверенностью: – Я сам всё сделаю.

– Ты, это серьёзно? Пойдёшь собирать бельё? – насмешливо удивился Макс и напомнил: – А где тебя потом искать?

Валентин с отеческой хитринкой взглянул на молодого соседа и спросил:

– У тебя длинная верёвка есть?

Максим заулыбался, приложив ладонь ко лбу и, поглядывая с ироничным упрёком на соседа. «Как же гениально и просто складываются решения в уме у Владимировича, – по-

думал он. – Нет, я бы, конечно, тоже додумался вскоре, но ведь он, – хитрец, уже давно придумал эту идею. Я же его знаю».

И Максим с улыбкой взял рукой стул и молча пошёл в коридор к антресоли. Когда он вернулся с бухтой тонкого кабеля на плече, и со стулом, то сразу же поинтересовался:

– Владимирович, – гениальная ты наша голова, а может у тебя ещё какие-нибудь идеи есть по поводу нашей блокады?

– Кое-что есть, – ответил со значением Егоров и добавил: – Но об этом после. Сначала бельё, баба Паня, а потом всё остальное.

После волнительной, но безрезультатной прогулки вокруг дома, после рыданий, бабу Паню успокоил сон. Ей неизменно приснился её Ванечка, который проскакал по полю верхом на белой лошади и кричал матери что-то про затаившегося в лесу зверя, которого следует изловить.

А на втором этаже в тринадцатой квартире всё было не так спокойно. Маргарита Николаевна так и не смогла настроить ни одной программы в телевизоре, хотя отыскала инструкцию и действовала по схеме. От досады она захотела запустить пультом прямо в экран, но сдержалась и отшвырнула пластмассовую коробочку на ковёр в угол комнаты. Потом она, взяла с полки первую попавшуюся книгу, но, как это обычно с ней бывает, когда она раздражена или что-то её беспокоит, вникнуть в текст она не смогла. Отложив в сторону

книгу, она поднялась с кровати, прошла на кухню и долго смотрела на зашторенное окно. Маргарита подумала: а может быть, с ней произошла банальная галлюцинация из-за бесконечного приёма лекарств? Но проверить-то это было не сложно; на стекле наверняка остались подтёки от неправдоподобного температурного физического явления, однако, с проверкой Потёмкина не спешила. Она боялась, что у неё опять возникнет паразитическое желание поделиться с кем-нибудь этой аномалией.

Маргарита Николаевна зажгла на плите конфорку, поставила чайник и, как это часто с ней бывает: она задумалась о себе, как бы немного со стороны. Она уже редко вспоминала свою работу в школе, считая ту деятельность пусть и полезной для какой-то части учеников, но однообразной и губительной для себя. Дети и подростки напоминали ей глупых птах и о расставании с ними она не жалела. Куда интереснее для неё казалась сейчас работа библиотекаря, где Маргарита Потёмкина, преодолевая своё нетерпимое раздражение к взрослым людям, научилась всё же по-своему с ними общаться. Пускай сухо, в строгих консервативных рамках и, естественно, без всяких эмоций. Сидя за столом и вступая в разговор с посетителями, она старалась придерживаться некоего придуманного ей же самой имиджа: такой равнодушной и безучастной ко всему (даже в выборе книг) женщины почти преклонного возраста (а ведь Маргарите не исполнилось ещё и сорока лет). Она подчёркнуто подкашли-

вала (особенно перед мужчинами), намекая на своё слабое здоровье, никогда не смотрела в глаза, отвечала коротко и ни в коем случае не растягивала гласные. В общем, делала всё, чтобы казаться неинтересной и не давать повода для пошлых заигрываний. И она умудрилась сделать так, что даже пыльные поначалу пенсионеры-читатели постепенно к ней охладели. Потёмкина настолько вошла в эту роль прокажённой старушки, что даже дома, приводя в порядок комнату и кухню (а помещения, в принципе не нуждались в такой частой уборке), забывала снять с себя этот панцирь возрастной дамы и все действия выполняла с кряхтением, с паузами на тяжёлые вздохи. Но когда она просто лежала на кровати, после прочтения нескольких страниц книги или уставшая смотреть очередную пустую мелодраму, в ней просыпалась та пугливая студентка, когда к миру ещё проявлялся боле-мене повышенный интерес. Маргарита Николаевна понимала, что в её случае не плохо бы обратиться к психологу, но какой толк в одном только понимании; у неё были причины не доходить до этого унижительного для неё поступка. Во-первых: психолог ни в коем случае не должен быть мужчиной, а женщине – специалисту в этой области Потёмкина не доверилась бы. Если уж она сама не может в себе разобраться, то успешная, довольная жизнью дамочка ей точно не поможет. Получался замкнутый круг. А во-вторых: Маргарита Николаевна на уровне подсознания не верила и в психологию, как в спасительную для себя науку. Она придерживалась общего мне-

ния, что всё это шарлатанство и выкачивание денег. Так что, случающиеся иногда слабые позывы обратиться к психологу, она гасила в себе именно этим.

А вспомнила Маргарита мимолётно про психологов, опять же таки, в связи с невероятным инеем на стекле. Как мы уже знаем, ей показалось, что кто-то, таким образом, подшучивает над ней, и это напомнило Маргарите институтские насмешки, к которым она сейчас относилась не с такой обидой, как раньше; теперь они виделись ей глуповатыми и даже немного забавными. В данный момент её, наверное, можно было уговорить на сеанс с психологом-мужчиной, если бы он дал хоть маленькую гарантию, что вернёт её в то время, где она могла бы попытаться изменить свою судьбу.

В чайнике было мало воды, и он закипел быстро. Маргарита опустила заварочный пакетик в чашку и наполнила её кипятком. У неё уже закончилось терпение смотреть на зашторенное окно, и она осторожно отклонила в сторону ткань. Следы от стёкших капель на стекле остались, и на нижней раме снаружи присутствовало уже высохшее пятно, но странным было то, что оно, как и подтёки, имело какой-то бледно-розовый цвет, словно растаял не хрустальный лёд, а слабый раствор марганцовки.

Слегка удивлённая, но, проявляя любопытство, она осторожно положила ладони на подоконник и наклонилась к стеклу, чтобы получше разглядеть следы. И вдруг ей захотелось повторить фокус со льдом. Бедная Маргарита набрала

в грудь воздух, и уже была готова сделать продолжительный выдох на гладь стекла, как в голове её раздался трескучий противный шёпот: – «Я знал, что ты опять захочешь поиграть».

Маргарита в ужасе отпрянула от окна, закашлялась, схватилась рукой за горло, но продолжала выпученными глазами смотреть на белую дрянь в окне. Вдруг, как и в прошлый раз густая пелена качнулась, и Маргарита бросилась в комнату, где было занавешено окно. С закрытыми глазами она стояла в центре комнаты под включённым абажуром и пыталась прогнать белые пятна, которые плясали перед ней. Потом она услышала слабое шипение и открыла глаза. Шум издавал работающий, но ничего не показывающий телевизор; на экране была чёрно-серая рябь с каким-то неуловимым розовым отливом. Только теперь к Маргарите начали приходиться невнятные объяснения по поводу произошедшего только что кошмара. Она вспомнила безрезультатную процедуру настройки каналов и шипящий треск при этом. Разумеется, она связала услышанную фразу с дурацкой техникой, поскольку не разбиралась в ней и посчитала, что та может выдавать какие-то сбои сама по себе.

– Вот, сволочной ящик! Это же надо, так напугать!» – вскричала Маргарита, подошла к розетке и с яростью выдернула шнур.

Но в сознании её всё же оставались какие-то сомнения. Голова от пережитого стресса закружилась, Потёмкина до-

бралась до кровати и рухнула на неё как подкошенная. Потом надвинула рукой на голову подушку и заплакала.

А в это время со скрипом распахнулась дверь первого подъезда и в тумане послышались мужские голоса.

– К дверной ручке, – уверенно предложил Максим Зиновьев.

– Она на соплях держится. Вырвет, – со знанием дела ответил Валентин Егоров, когда они стояли под ветхим подъездным навесом, едва различая друг друга в белом облаке.

– А помнишь кронштейн между подъездами? Его ещё этот, как его... – вспоминал упорно Максим, щёлкая пальцами, – научный сотрудник, который напротив меня жил... Нет, имя не вспомню. Но помню, что он целый день эту хреновину монтировал.

Валентин хлопнул Максима по плечу и одобрительно сказал:

– Да, ты тоже – голова. Это как раз то, что нужно. Ноговицын Марк Андреевич – того товарища звали. Ох, и чудной был мужик. Он этот кронштейн для своего велосипеда вкрутил. Привязывал к нему своего стального коня, чтобы не украли.

Они осторожно начали продвигаться к центру дома, придерживаясь руками за фасад.

– А теперь припоминаю, – поддержал воспоминания Макс. – Так всё равно же украли и, по-моему, чуть ли не на

следующий день.

– Ну, не на следующий день, а через неделю, – негромко рассмеялся Егоров и, нащупав ботинком выпирающую из стены железяку, рассказывал: – Велосипед хороший был, какой-то скоростной и совсем не дешёвый. Он о нём давно мечтал, чтобы на работу ездить, да плюс к этому, что-то вроде утренней зарядки. Ты знаешь Макс, я не люблю сплетни, но как-то невольно склоняюсь к общему мнению. Почти все жильцы дома тогда были уверены, что это Пётр Добротов «подрезал» этот велосипед. Он поздно ночью в рейс уехал, а утром обнаружилась пропажа. Ну, и ладно об этом, – остановил как бы себя от этой темы Валентин Владимирович, нагнулся и, ощупывая рукой кронштейн, сказал: – Но ты знаешь, как Марк Андреевич его закрепил? О-о, должным образом. Внутри своей квартиры. Просверлил стену насквозь, вставил кронштейн, а в комнате насадил стальную пластину и тракторной гайкой закрутил. Он меня к себе тогда позвал, похвастаться.

– Да, теперь я вспомнил: и про подозрения на Добротика (Максим так часто неуважительно называл за глаза мужа Милы Алексеевны), и этого дядьку хорошо помню. Я его ещё в шутку перед матерью называл: маленький баобаб науки. Такие, как он, все свои приспособления долго и дотошно продумывают, но зачастую настолько увлекаются, что их гениальные изобретения теряют свою суть, – становятся бессмыслицей по отношению к идее, ради которой эти штуки

изобретались, – всё же с небольшим ехидством в голосе, заметил Зиновьев.

Егоров привязывал к мощной петле провод и сказал:

– Ты сложно высказался, но я понял, что тебе так же, как и мне жалко велосипед.

– Ну, вообще-то, я, можно сказать, поблагодарил этого Ноговицына за кронштейн, – с иронией возразил Максим и прибавил: – Но и велосипед и Марка Андреевича мне, разумеется, так же жалко.

Валентин сделал надёжный узел, проверил его хорошими рывками, а Максим нашёл другой конец кабеля, обвязал его на поясе Владимировича и так же проверил свою стяжку.

– Буду держать в натяжении, – предупредил Зиновьев, – а ты, если что, кричи, я сразу пойду к тебе по шнуру. Только без шуток и розыгрышей.

– Шутки – это по твоей части, Макс, – серьёзно ответил Валентин, набрал в грудь воздух и, выставив перед собой руку, пошёл в направлении, где должно было висеть бельё.

Максим в очередной раз поразился тому обстоятельству, что с третьим шагом сосед растворился в тумане полностью. В руках скользил шнур и Зиновьев сравнил его с каким-то мощным нервом, который был единым между ним и Владимировичем. Он чувствовал каждый шаг своего друга-соседа, и сейчас эти страховочные действия вызывали у Максима какое-то особенное значение; казалось, что бельё было всего лишь маленьким поводом для начала мероприятия, которое

должно раскрыть какую-то тайну. Егоров находился сейчас в более опасном положении, и Максим был в напряжении, переживая за него.

И Валентин Владимирович чувствовал эти его переживания, да, так сильно, что даже крикнул:

– Отпусти немного, а то ты мне все кишки сдавил.

Натяжение чуть ослабло, и Егоров невольно заулыбался. Ему было очень приятно думать о том, что его страхуют надёжные руки и чистое пламенное сердце, готовое в любой момент броситься на помощь. И этот поход в туман, естественно, никак нельзя было сравнить с первой панической вылазкой. Валентин ощущал себя свободно и даже позволил себе опустить руку, не опасаясь налететь на какой-нибудь предмет. Теперь он наслаждался своим пребыванием в этой невероятной непроглядной обстановке, и придумал окружающей его среде занятное определение: «белый ослепительный мрак».

Подобную ситуацию, наверное, можно сравнить с двумя альпинистами, которые поднимаются на вершину горы, а, возможно, эти суровые люди меня и высмеют. И я понимаю, что там, в горах свои трудности: – низкая температура, нехватка воздуха, заснеженная и непредсказуемая зыбкая твердь под ногами или хрупкий лёд, да и мистики своей наверняка хватает с аномальными явлениями, но какая-то духовная составляющая у приведённого примера с нашим случаем, мне кажется, она общая.

Валентин Владимирович остановился, потому что справа он заметил в белизне тёмную вертикальную полосу. Мелко переступая и вытянув руку к этой тени, он стал приближаться к объекту. Как он и предполагал, это оказалась железная труба – первая и ближайшая к дому опора для бельевых верёвок. Валентин крепко схватился за неё одной рукой, а второй начал водить перед собой в поисках белья. Глазами различить белое на белом (а точнее: белое в белом) было невозможно, поэтому он пытался нащупать пальцами ткань и вытягивался одной рукой в глубь, а второй держался за трубу, чтобы не потерять этот драгоценный ориентир. Вскоре Валентину это бестолковое занятие надоело, и он прибегнул к простому разумному способу: потянулся вверх и нащупал сами верёвки. Уцепившись за одну из них, Егоров потихоньку двинулся вперёд, но, сделав три шага, остановился. Свободной рукой он взялся ещё за одну верёвку и с поднятыми руками прошёл ещё пять шагов и встал. Немного растерянный Валентин вспоминал: «Вчера вечером, когда забирали Максима, белые простыни вперемешку с какими-то рубашками висели чётко от одного столба до другого и, по-моему, на всех четырёх линиях». На всякий случай он ещё немного прошёл вперёд, но уже было ясно: никакого белья на верёвках не было.

- Ну, как ты там? Дошёл? – послышался голос Максима.
- Белья нет, – коротко крикнул Валентин через плечо.
- В каком смысле?

– Верёвки пустые.

– Я иду к тебе, – решительно произнёс Зиновьев, и шнур, привязанный к Валентину, ослаб.

– Нет! – быстро и резко остановил он своего молодого товарища. – Не надо, Макс. Нет, так нет. Потом разберёмся. Я лучше сниму пока верёвки, они нам могут пригодиться.

– Да, уж, снимай. Кто теперь за стирку возьмётся? – ответил Максим и натянул опять страховочный провод.

Валентин Владимирович отвязывал и скручивал верёвки, но дело это оказалось не быстрым, тем более в таких-то условиях. Шнур в руках Максима, то натягивался, то ослабевал. Валентин отцепил один конец от последней четвёртой верёвки и уже шёл к другому концу, наматывая «трофей» на руку, как увидел перед собой что-то чёрное, похожее на большую птицу, смутно напоминающую ворону. Птица колыхалась перед ним, и забилась в каких-то судорогах. От испуга Егоров встал, как вкопанный и побоялся к ней приближаться. Размытое в белом тумане чёрное пятно тоже замерло. В это время, Макс подёргал за шнур, а Валентин машинально потянул за верёвку, и чёрное пятно опять слегка вздрогнуло. И только после этого страх улетучился, поскольку Егоров с нервным смешком догадался, что это болталась на верёвке какая-то тряпка. Но очень странным и тревожным было то, что Валентин уже четвёртый раз подходил к этой дальней стойке, когда поочередно отвязывал верёвки, а этой тёмной вещица здесь не было, и проглядеть её он никак не мог. Он

решил оставить всякие размышления по этому поводу на потом, снял единственную уцелевшую вещь и сунул её за пазуху. Потом отвязал последнюю верёвку и двинулся обратно к дому.

Операция под условным названием: «бельё семьи Добровых» длилась не долго, и к тому же не принесла нужного результата, но встреча двух мужчин возле серой стены дома была трогательной, словно они давно не виделись, и заметно сняла напряжение с Максима и, конечно же, с Валентина Владимировича. Тот после дружеских объятий глубоко вбирал в себя воздух, и Максим сквозь белую дымку разглядел на его лбу капельки пота.

– Тяжело? – с сочувствием спросил Зиновьев, сматывая в кольца кабель.

– Когда ходишь ещё ничего, но как только начинаешь заниматься физическими упражнениями в этой белой каше, дышать становится трудно. Одна вода, – ответил Егоров, освобождая себя от поводка.

– Значит, напрасно прогулялся, – подвёл грустный итог Максим.

– Ну, не совсем, – возразил Егоров и бросил на землю четыре мотка верёвки, а после двумя пальцами достал из-за пазухи чёрную тряпку.

– Что за дрянь ты притащил? – прищурился Максим, но уже догадывался, что держал перед собой Владимирович.

Валентин не в силах был скрыть от Макса брезгливость и,

поморщив нос, сообщил:

– Это всё что там было.

Зиновьев так же с отвращением чуть отпрянул от «добычи» и с ехидной усмешкой заявил:

– Это же трусы Добротика. Хорошо, что постиранные. Это же надо было так корячиться ради его панталон.

– А верёвки, – напомнил Валентин, небрежно положил мужское нижнее бельё на выпирающий рядом подоконник и сказал: – И чего нам друг перед другом в недомолвки играть. Ты же, как и я, вышел сюда не ради этого белья, которое к тому же ещё и украли. Нам же хочется изучить это сумасшедшее явление. Как пацанам, нам надо полазить, дотронуться, потому что это необычно и интересно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.